

Северный сфинкс

Автор:

Александр Харников

Северный сфинкс

Александр Петрович Харников

Военная фантастика (АСТ) Канцлер Мальтийского ордена #2

Император Павел I был спасен группой спецназа ФГБ «Град», которая неведомой силой оказалась в XIX веке. Получив известие о том, что попытка дворцового переворота провалилась, британцы решили нанести удар по русскому порту на Балтике. Эскадра адмирала Нельсона атаковала Ревель, чтобы наглядно продемонстрировать «варварам» силу королевского флота.

В то же время Первый консул Франции Наполеон Бонапарт предложил военный союз Российской империи. Объединенный экспедиционный корпус должен совершить бросок на юг, чтобы сокрушить британское господство над Индией. Европа застыла в ожидании войны, которая перекроит карту мира...

Александр Харников

Канцлер Мальтийского ордена: Северный сфинкс

© Александр Харников, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Автор благодарит за помощь и поддержку Макса Д (он же Road Warrior)

Пролог

23 апреля (5 мая) 1801 года. Рассвет.

Балтийское море недалеко от Ревеля.

Борт 36-пушечного фрегата Его Величества «Бланш».

Полковник королевской морской пехоты

Пол Хатчингс

Ну вот, началось. Шлюпки с моими парнями отвалили от бортов кораблей эскадры и осторожно, стараясь не шуметь, направились к затянутому легкой предрассветной дымкой берегу...

Вчера вечером штабной офицер сообщил мне страшную весть – эти чертовы русские каким-то непостижимым способом убили нашего любимого адмирала. По его словам, выстрел был произведен словно из преисподней, при этом никто ничего не видел и не слышал. Просто неизвестно, откуда прилетела пуля и разнесла череп сэра Горацио. Не иначе смерть адмирала – дело рук «пятнистых» русских, о которых рассказал вчера лазутчик из Ревеля. От его слов у меня даже мороз пошел по коже. И это несмотря на то, что я всегда считал себя человеком смелым, повидавшим много такого, чего нормальному человеку лучше не видеть.

Как я понял, на военном совете, состоявшемся на борту «Элефанта», было принято окончательное решение – продолжить операцию и атаковать Ревель. Пусть этот проклятый город превратится в погребальный костер нашему адмиралу. Так, кажется, римляне и греки хоронили своих павших героев.

Я долго думал, сообщать ли солдатам и офицерам о смерти сэра Горацио. С одной стороны, печальное известие о том, что с нами нет адмирала, могло пагубно отразиться на боевом духе морских пехотинцев. С другой стороны, мои парни будут рваться в бой, чтобы отомстить за его смерть. Ведь те, кто носит военную форму, всегда помнят – рано или поздно и за ними может явиться старуха с косой. Так стоит ли бояться смерти и прятаться от нее?

Сегодня, когда восточная сторона неба едва зарозовела, десант начал грузиться в корабельные шлюпки. Надо было незаметно, но быстро добраться до вражеского берега. Высадив первую волну морских пехотинцев, шлюпки помчатся к кораблям, чтобы забрать вторую волну. А до того времени, пока она прибудет, те, кто высадился первыми, будут находиться один на один с противником. Даже артиллерия с кораблей нам ничем не поможет – когда вражеские солдаты сблизятся с нами, то уже нельзя будет вести прицельный огонь – можно запросто угостить ядрами своих же.

Но пока противника не видно. Это не значит, что его нет вообще. Вполне вероятно, что он поджидает нас и откроет огонь тогда, когда мы сблизимся с ним лицом к лицу. И хотя этот бой для меня не первый, но все же я почувствовал легкий мандраж. Ничего, как только загремят первые выстрелы, все сразу пройдет. Надо будет бежать вперед, стрелять и рубить врага, словом – убивать.

Дно шлюпки зашуршало по прибрежному песку. Хорошо, что здесь можно пристать прямо к берегу. Не очень-то хотелось прыгать в холодные волны. Я достал пистолет и взвел курок. Морские пехотинцы развернулись в цепь и, чуть пригнувшись, осторожно двинулись вперед. Берег молчал.

Помнится, что лазутчик по имени Том рассказал вчера, что после высадки нас всенепременно должны атаковать русские егеря. Но их что-то не видно. Может быть, они еще ничего не знают о нас? Что ж, тем лучше. Если мы успеем без потерь десантироваться, то тогда русским придется плохо – мои парни быстро надерут им задницу.

Шаг за шагом мы двигались вперед. Вот уже последние солдаты первой волны высадились на берег. Шлюпки развернулись и резво помчались к кораблям, стоящим на якорях. И тут начались наши неприятности. Лейтенант Николсон, шагавший рядом со мной, вдруг вскрикнул и ничком рухнул на песок. Выстрела я не слышал. Справа и слева раздались испуганные крики. Похоже, что кто-то невидимый в предрассветной мгле беззвучно, одного за другим убивал моих людей.

В небо с шипением взлетела пылающая звездочка, с легким хлопком превратилась в маленькое солнце и медленно стала опускаться вниз.

– Боже праведный! – испуганно воскликнул сержант Грэхем, заслоняя рукой глаза от яркого света. – Что это такое?!

Впереди загремели выстрелы. Морские пехотинцы от неожиданности попятнулись. Надо было срочно что-то делать, иначе русские егеря – а кто же еще мог вести по нам такой меткий огонь – перестреляют всех нас, словно кроликов.

Не целясь, я пальнул из пистолета в сторону противника, потом выхватил из ножен саблю и воскликнул:

– Вперед, ребята! За короля и нашу старую добрую Англию!.. Покажем этим русским свиньям, что такое британская морская пехота!

Глава 1

С моря тянет гарью

5 (17) марта 1801 года.

Эстляндская губерния. Ревель.

Майор ФСБ Никитин Андрей Кириллович.

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

Сегодня мы тихо и мирно, без особых торжеств, встретили наших путешественников. Мы – это капитан-лейтенант Иван Федорович Крузенштерн, генерал-майор Михаил Богданович Барклай-де-Толли и аз недостойный, отрок Андрюшка, сын Кириллов. В Ревель мы прибыли чуть раньше главных сил, став своего рода квартирьерами и разведчиками.

С Иваном Федоровичем Крузенштерном мы успели по дороге сдружиться, и, хотя я и не рассказал ему, что мы попали в его время из будущего, он, похоже, уже начал об этом догадываться. Я старался напрямую не отвечать на некоторые его вопросы, отшучивался, но это у меня получалось неважно. Кончилось же все тем, что я, махнув рукой на конспирацию, взял с него честное слово русского офицера и рассказал о том, как мы самым удивительным образом угодили в прошлое. Надо сказать, что Крузенштерн довольно спокойно воспринял мой рассказ.

– Выходит, Андрей Кириллович, – сказал он, – наше будущее вам заранее известно, и вы знаете все наперед?

– Не совсем так, Иван Федорович. Дело в том, что наше вмешательство уже несколько изменило ваше будущее. И теперь в нем многое пойдет не так, как у нас. Хотя основные события пока происходят так же, как и в нашей истории.

– Понятно, – кивнул Крузенштерн. – Значит, и у вас к Ревелю подходила эскадра адмирала Нельсона. Интересно, чем тогда все закончилось?

– А в общем-то ничем. В Михайловском дворце заговорщики убили императора Павла Петровича, новый же император Александр Павлович решил не ссориться с британцами. Адмирал Нельсон, предупрежденный об изменениях в российской политике, ограничился лишь демонстрацией морской мощи Соединенного королевства. В Ревель его не пустили, и, побродив по Балтике, его эскадра отправилась восвояси.

Крузенштерн пожал плечами, но ничего больше не спрашивал. Он замолчал, видимо, переваривая полученную от меня информацию.

По прибытии в Ревель я нанес визит генералу Барклаю-де-Толли. Будущий фельдмаршал отвечал мне по-русски с сильным немецким акцентом, при этом он был немногословен и подчеркнуто вежлив. Похоже, что Барклай получил от императора соответствующие инструкции и потому никак не мог понять, как ему следует вести себя со мной. С одной стороны, чин мой был не так, чтобы уж очень – майор, коих в русской армии немало. А с другой стороны, в бумаге, подписанной императором, говорилось, чтобы все свои действия он непременно согласовывал со мной и с подполковником Бариновым. В конце концов, узнав о том, что всеми делами по обороне Ревеля от супостата будет заниматься генерал Кутузов, Барклай успокоился и стал внимательно слушать меня, время от времени что-то записывая по-немецки в свою походную тетрадь.

Первым делом я предложил провести рекогносцировку местности, чтобы прикинуть, каким образом эскадра Нельсона может попасть в гавань и где нам следует ждать высадки отряда британских морских пехотинцев. И если о корабельном составе противника нам более или менее известно, то о численности его морской пехоты можно было лишь гадать. Со слов нашего историка Василия Васильевича Патрикеева, на Балтику Нельсон отправился, имея на кораблях эскадры примерно шестьсот морских пехотинцев. Но была ли это общая численность «вареных раков»[1 - Так называли морских пехотинцев Британского королевского флота за их красные мундиры.], или сия цифра предполагала лишь количество приданных сил, сверх того количества морских пехотинцев, которые находились на кораблях эскадры согласно штатному расписанию? О сем даже Василий Васильевич не мог ничего сказать толком.

И еще. Во время ожесточенного сражения с датским флотом и береговыми батареями Копенгагена британцы понесли серьезные потери. Известно, что они получили подкрепление из Англии, но достаточное ли было оно для того, чтобы полностью восполнить убыль в людях? Об этом тоже оставалось лишь предполагать. К сожалению, у нас не было своих людей на британской эскадре, которые могли бы предоставить нам хотя бы самую приблизительную информацию о сухопутных силах противника.

Михаил Богданович, выслушав меня, покачал своей изрядно облысевшей головой. Он был огорчен тем, что наши данные о силах британцев неполны.

– Господин майор, – сказал Барклай, – это есть очень скверно, что мы так мало знаем о том, с чем нам придется столкнуться. Без разведки мы как без глаз.

– Это понятно, – ответил я. – Но мы постараемся в самое ближайшее время получить необходимые нам сведения и сразу же доложим их вам. А насчет разведки как таковой... Этот вопрос мы уже обсуждали с государем. И он решил, что надобно как можно быстрее создать военную разведку, которая постоянно будет отслеживать состояние вооруженных сил иностранных держав – наших потенциальных противников. Назвать новую службу решено «Особая канцелярия». Она должна работать по трем направлениям: стратегическая разведка, добывающая за границей важнейшую информацию, тактическая разведка, собирающая данные о войсках противника, дислоцированных в сопредельных государствах, и контрразведка, выявляющая и обезвреживающая вражескую агентуру.

– О, это было бы просто замечательно! – Барклай на мгновение даже потерял свою обычную невозмутимость. – Я тоже не раз думал об этом. Как хорошо, что государь принял такое мудрое и своевременное решение!

Я усмехнулся про себя – «Особая канцелярия при военном министре» в нашей истории – детище самого Барклая. Она была создана в 1810 году, когда он стал военным министром Российской империи. Потому-то Михаил Богданович так восхитился планами императора Павла.

Мы с Крузенштерном и Барклаем облазили побережье Ревельской бухты, стараясь определить место, где британцы могли бы высадить десант. Почти единодушно мы пришли к следующему выводу – скорее всего, они попытаются сделать это в районе мызы Мариенталь, расположенной неподалеку от развалин монастыря Святой Бригитты. Здесь транспортные корабли с десантом могут подойти почти к самому берегу – это позволяли глубины – и высадить морских пехотинцев, которые сошли бы на берег, что называется, не замочив ног. Отсюда сравнительно недалеко было до города и Купеческой гавани. К тому же с восточной стороны Ревель не имел сильных укреплений.

Впрочем, адмирал Нельсон – противник серьезный и умный. Он мог принять и другое решение. Следовало иметь в виду возможность высадки врага и в других местах.

Я пока не стал рассказывать своим спутникам о полученной конфиденциальной информации об активизации английской агентуры, а также о подготовке к диверсионным актам в Ревеле. Я лишь намекнул Барклаю о возможных происках вражеских агентов. Как ни странно, но Михаил Богданович все услышанное

воспринял правильно и лишь попросил меня немедленно сообщить ему, если я что-либо узнаю об этом.

По рации мне передали информацию о том, что караван наших ребят с «тиграми» и «скорой» уже на подходе к месту назначения. Мы с Крузенштерном и Барклаем выехали им навстречу по Ревельскому тракту, соединявшему Санкт-Петербург с главным городом Эстляндской губернии. Зрелище, которое мы имели честь лицезреть, было отчасти комическим, отчасти эпическим. Три огромных белых кокона на колесах с трудом тащила упряжка могучих коней с густыми гривами и широкими спинами. Издали они напоминали трудолюбивых муравьев, волокущих толстых гусениц в муравейник. Кареты же и повозки, которые следовали в составе конвоя, были зрелищем обыденным и потому не вызывали особого интереса у городских обывателей. Десятка три всадников сопровождали наших путешественников.

– Андрей Кириллович, – спросил у меня Крузенштерн, – а что это за груз, который так тщательно укрыт и который ваши люди везут с таким бережением?

– Все мое время, Иван Федорович, – ответил я. – Я расскажу вам о нем чуть позже, а пока могу лишь сообщить, что это наше секретное оружие.

Барклай, услышав мой ответ, с любопытством стал разглядывать зачехленные «тигры» и «скорую».

От конвоя отделились двое конных. Ими оказались поручик Бенкендорф и подполковник Баринов. Бенкендорф был в форме Семеновского полка, а мой шеф – в нашей обычной камуфляжке.

– Ваше превосходительство, разрешите доложить, – сказал Пан, отдав честь Барклаю. – По пути следования чрезвычайных происшествий не было. Все живы и здоровы. Где мы можем остановиться и разместить нашу технику?

– Рад вас видеть, господин подполковник. Замечательно, что вы добрались без происшествий, – ответил Барклай. – А разместим мы вас в Ревельском замке – это который в Вышгороде...

6 (18) апреля 1801 года.

Санкт-Петербург, Михайловский замок.

Патрикеев Василий Васильевич,

журналист и историк

Утром я неожиданно для себя получил дружеское послание... Ни за что бы не догадался, от кого! Хотя нечто подобное мне все же порой приходило в голову.

В общем, один французский негодник, прибывший на днях в столицу Российской империи, через графа Федора Ростопчина почтительно попросил меня уделить ему несколько минут, чтобы переговорить с глазу на глаз. Ну, если сам глава российского внешнеполитического ведомства счел нужным передать мне столь необычную просьбу, то причина для этого, наверное, была достаточно весомая.

Француз, представившийся мне как «мсье Жак», был явно не из санкюлотов и якобинцев. Его обхождение и изящные манеры говорили о том, что он дипломат (или шпион – что, в принципе, одно и то же) еще королевской выделки. Впрочем, для француза он был умеренно краток и после взаимных приветствий передал мне плотный запечатанный конверт, на котором были написаны лишь моя фамилия и имя. Адрес и данные отправителя отсутствовали.

Увидев мой вопросительный взгляд, мсье Жак вежливо пояснил мне, что внутри конверта находится еще один конверт, на котором указано, кто автор сего послания. Затем таинственный гость поспешил откланяться, оставив, впрочем, записку с адресом, по которому его можно найти в Петербурге, чтобы переслать ответ на послание неизвестного пока мне корреспондента.

Когда дверь за мсье Жаком закрылась, я вскрыл конверт и обнаружил внутри него другой конверт, на котором было написано по-французски: «Господину Василию Патрикееву от Первого консула Французской республики Наполеона Бонапарта». Вот так! Ни больше, ни меньше!

Вскрыв второй конверт, я обнаружил в нем два листка, исписанных неровным почерком. Французский язык я практически не знал и потому, вздохнув, убрал послание Наполеона в конверт. Связавшись по радиации с императором, я попросил у него срочной аудиенции. Пусть Павел лично прочитает это письмо и заодно убедится в том, что я не собираюсь вести никаких политических игр за его спиной. В данном случае честность – лучшая политика. А для себя решил – надо всерьез заняться французским языком. На нем, как на втором родном, говорит вся российская аристократия. В этом я мог лишний раз убедиться, посетив недавно хлебосольное семейство Кутузовых.

Павел не особо удивился, узнав, что Бонапарт прислал мне личное послание.

– Вы знаете, Василий Васильевич, – сказал он с улыбкой, – я тоже на днях получил послание от Первого консула. Полагаю, что этот французский «Цезарь» решил предпринять столь активные дипломатические действия для того, чтобы подготовить почву для подписания с нами договора о военном союзе. Если вы позволите, я бегло ознакомлюсь с адресованным вам посланием, а потом переведу его вам.

Император прочитал письмо Бонапарта, слегка морщась от того, что почерк Наполеона был не совсем разборчивым, пару раз хмыкнул, а потом, положив послание на стол, на мгновение задумался.

– Я так полагаю, Василий Васильевич, – произнес наконец Павел, – этот хитрый корсиканец уже догадывается о вашем, скажем так, весьма странном появлении в нашем мире. Уж очень он к вам почтителен. Даже совета у вас просит, как нам всем вместе покарать эту «l'Angleterre maudite» – «проклятую Англию». И еще, господин Бонапарт выражает страстное желание встретиться со мной и с вами как можно быстрее. Какой он, однако, нетерпеливый!

– Ему надо спешить, – усмехнулся я. – Французские войска в Египте находятся в трудном положении. Фактически они в полной блокаде. Если их не выручить, то им ничего не останется, как сложить оружие. В нашей истории это произошло 27 июня сего года.

– Понятно... – задумчиво произнес Павел. Император покачал ногой, зачем-то потерял золотую канитель на плюмаже, а потом произнес: – Действительно, господину Первому консулу надо поспешать. Я полагаю, что как только

закончатся все наши английские хлопоты в Ревеле, нам следует удовлетворить его просьбу и встретиться с ним с глазу на глаз.

– Вот потому-то нам и нужно разбить вдребезги эскадру адмирала Нельсона, да так, чтобы все в Европе поняли – Англия не так уж сильна на море, как это кажется. Тогда никому в голову больше не придет мысль воспротивиться России и Франции, заключившим дружеский союз. Если, конечно, он состоится. Потому-то и надо как можно скорее встретиться с Бонапартом. Только как это сделать?

– Я велю графу Федору Ростопчину направить в Париж доверенное лицо, чтобы предварительно обсудить все статьи будущего договора. И неплохо было бы, чтобы сие лицо разбиралось в военных вопросах. Конечно, англичане сделают все, чтобы помешать нашему возможному союзу. Поэтому следует ждать с их стороны всяческих подлостей.

– Несомненно, ваше величество, – я кивнул головой, соглашаясь с императором. – Если вы не против, то я бы мог принять участие в предварительных переговорах с Бонапартом. Надеюсь, что вы мне полностью доверяете?

– Да Господь с вами, Василий Васильевич! – Павел возмущенно взмахнул руками. – Конечно, вам я доверяю! Но ведь это... Это очень опасно! Что будет, если вы попадете в руки англичан?! Я знаю, что вы мужественный человек и верны России, но ведь эти мерзавцы могут вас жестоко мучить и пытаться, чтобы выведать все ваши секреты...

– Ну, допустим, если меня будут сопровождать люди подполковника Михайлова, то убить или похитить меня нашим врагам окажется не так-то просто. Да и для переговоров можно выбрать такое место, куда британцам не так просто будет добраться.

– Ну, смотрите, Василий Васильевич, – вздохнул император. – Только помните, что я вас всех очень люблю, и для меня было бы очень тяжело потерять любого из вас. А пока следует дожидаться известия о виктории при Ревеле. Кстати, завтра я намерен провести совещание, где будут присутствовать все те, кто сойдется с противником лицом к лицу. Василий Васильевич, я полагаю, что и вы должны присутствовать на этом совещании. А пока всего вам доброго. До завтра...

6 (18) апреля 1801 года.

Санкт-Петербург, Михайловский замок.

Патрикеев Василий Васильевич,

журналист и историк

Не успел я откланяться и вернуться из Михайловского замка в свой кабинет в Кордегардии, как ко мне заглянул поручик Паскевич, прикомандированный к нашей команде и выполняющий обязанности дежурного офицера. Он сообщил, что на прием ко мне пришел некий артиллерийский подполковник, который желал бы со мной приватно побеседовать.

В последнее время ко мне зачастили с визитами разные ходоки, которые почему-то простодушно считали, что с моей помощью они смогут решить какие-то свои личные дела и добиться милости императора. Я хотел держаться в стороне от всех придворных дрызг и потому старался побыстрее спровадить просителей к графу Аракчееву. Но меня заинтриговал артиллерийский подполковник. Я вдруг вспомнил фамилию одного хорошо известного мне военачальника, который в 1801 году был как раз в этом чине.

– Скажите, Иван Федорович, – спросил я, – это случайно не подполковник Алексей Ермолов? Если да, то просите его.

Паскевич крякнул, покачал головой, а потом четко повернулся через левое плечо и вышел в коридор. Через пару минут в кабинет вошел молодой, богатырского сложения высокий подполковник с лицом волевым и решительным. Его серые глаза внимательно смотрели на меня. Он совсем не был похож на свой знаменитый «львиный» портрет, который в свое время широко растиражировали у нас.

– Добрый день, сударь, – обратился он ко мне. – Я весьма благодарен, что вы, несмотря на вашу занятость, нашли время, чтобы принять меня.

– Добрый день, Алексей Петрович. Скажу прямо – я давно хотел поближе с вами познакомиться. Наслышан, наслышан о ваших славных подвигах во время Польской кампании. Ваш орден за храбрость, проявленную при штурме Праги, вы получили из рук великого Суворова.

Ермолов слегка зарумянился и покосился на белый крестик ордена Святого Георгия 4-й степени, висевший на его богатырской груди.

– С вашего позволения, я хотел бы напомнить, что мне довелось поучаствовать в войне с турками и персами. Да и с французами мне тоже пришлось повоевать. А теперь, сударь, я готов отправиться в поход против нового врага, который готовится напасть на наши рубежи. Я слышал от своих старых сослуживцев, что скоро на Ревель нападут англичане...

– Господин подполковник, а вы не забыли, что в настоящий момент вы находитесь в ссылке в Костроме? И не вы ли весьма непочтительно отзывались о государе, состоя в тайном обществе, которое хотело устроить заговор против его императорского величества? Не вы ли содержались под стражей в Петропавловской крепости? Впрочем, как я понял, вы уже осудили себя за ошибки молодости и теперь готовы верно служить царю и отечеству.

Стоящий передо мной Ермолов смутился. Он был весьма удивлен тем, что невесть откуда взявшийся человек так хорошо знает его биографию, причем ему известны и те факты, которые он сумел утаить во время следствия.

– Ваше... Сударь... – Ермолов уже не знал, как ко мне обращаться. – Да, вы правы – я многое обдумал за время ссылки и пришел к выводу, что смута в государстве будет на руку только его врагам. Но откуда вы...

– Алексей Петрович, успокойтесь. – Я подошел к Ермолову и дружески положил ему руку на плечо. – Можете называть меня по имени и отчеству – Василий Васильевич. А то, что я многое знаю о вас... Вы даже представить себе не можете, сколько мне всего о вас известно. Например, о визите к вам некоего таинственного незнакомца, который случился в одном провинциальном городке. Это когда он продиктовал вам весьма интересный документ...

Лицо Ермолова стало вдруг бледным, как бумага. Этот богатырь пошатнулся, и мне пришлось подставить ему стул, чтобы он не грохнулся в обморок.

– Василий Васильевич, так это были вы? – придя в себя, прошептал Ермолов. – Нет, тот человек был моложе вас и выглядел по-другому. Но откуда вы тогда знаете о сем таинственном случае?

– Знаю, Алексей Петрович, знаю. И полагаю, что в большинстве своем то, что надиктовал вам тогда незнакомец, сбудется. А чтобы вы мне поверили, я расскажу вам то, что тогда произошло... Если же я в чем-то ошибусь, то вы меня поправьте.

Итак, все случилось в небольшом городке, куда вы, Алексей Петрович, прибыли по служебной надобности. Как-то раз вечером, сидя за столом в комнате, вы внезапно увидели перед собой незнакомца – судя по одежде, небогатого мещанина. Вы захотели спросить у этого человека, что ему нужно и как он вообще оказался в вашей комнате, но какая-то таинственная сила остановила вас. Незнакомец же, нисколько не смущаясь, властным голосом приказал: «Возьми перо и бумагу!» И когда вы беспрекословно выполнили его требование, он начал диктовать документ, первыми словами которого были: «Подлинная биография. Писал генерал от инфантерии Ермолов...»

Вы, Алексей Петрович, хотели было возразить, что никакой вы не генерал, а пока всего лишь артиллерийский подполковник, но ничего не смогли вымолвить и, словно загипнотизированный, исписали целый лист бумаги, на котором предстали основные события всей вашей последующей жизни. Здесь говорилось и о войне с Наполеоном, которая должна была начаться в 1812 году, и о поездке ко двору персидского шаха в 1817 году, и о событиях на Кавказе, и о вашей опале при начале правления императора Николая Павловича, и об очень долгом периоде вашей жизни в отставке вплоть до кончины в весьма почтенном возрасте.

Закончив диктовать, таинственный человек неожиданно исчез, словно его и не было совсем. Вы бросились к ординарцу, находившемуся в соседней комнате. Но тот поклялся, что «ни одна живая душа не проходила мимо него в кабинет его высокоблагородия». Более того, никто и не выходил оттуда. Да и сама входная дверь дома давно уже заперта на замок...

– Все именно так и было, – побелевшими губами пробормотал Ермолов. – Вы словно незримо присутствовали тогда в моем кабинете. Скажите ради всего святого, Василий Васильевич – кто вы и откуда?!

Я улыбнулся. Случай, о котором я рассказал будущему «проконсулу Кавказа», зафиксировал в своих воспоминаниях хороший знакомый Ермолова капитан Берг. Случилось это в 1859 году, незадолго до смерти Алексея Петровича. Позднее родственники генерала, разбирая его архив, обнаружили в нем тот самый «странный документ». Удивительно, но и дата смерти Ермолова была указана в нем точно – 11 апреля 1861 года.

– Алексей Петрович, – сказал я, – я обещаю вам рассказать обо всем чуть позднее. Пока же я похлопочу относительно вас и попрошу государя, чтобы он снял с вас опалу. Нам нужны опытные и храбрые артиллеристы. Думаю, что император прислушается к моим словам.

Когда Ермолов ушел, я задумался. Интересно все-таки, кем был тот таинственный незнакомец, который наперед знал всю биографию генерала? Возможно, что он был наш коллега – межвременной скиталец, заброшенный в прошлое. Либо человек из будущего. Вполне вероятно, что где-то в XXI–XXII веках люди все же построят пресловутую «машину времени» и с ее помощью будут путешествовать из будущего в прошлое. Впрочем, о сем пока можно было лишь гадать...

7 (19) апреля 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Подполковник ФСБ Михайлов Игорь Викторович,

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

Рановато, оказывается, мы обрадовались тому, что заговор против Павла Петровича уже раскрыт, а основные его участники арестованы. Действительность оказалась не столь уж радужной. Сегодня перед вахтпарадом меня вызвал к себе император и рассказал, что рано утром к нему явился гонец из Секретного дома Алексеевского равелина Петропавловской крепости и сообщил пренеприятнейшее известие. А именно: содержащийся там под

усиленной охраной граф Пален изволил дать дуба. Или склеить ласты – это уже кому как нравится...

А ведь император лично велел коменданту Секретного дома не спускать глаз с этого узника. По нашим данным, на Палена точили зубы еще не пойманные заговорщики, которым очень хотелось, чтобы граф не смог сообщить следствию ту информацию, которая нам пока была неизвестна. Охранники тщательно проверяли пищу, которую ел арестант, постоянно находящийся в камере с сидельцем надзиратель глаз не спускал с него, но... Что выросло, то выросло – Пален все же ушел в мир иной, унеся с собой в могилу многие секреты заговорщиков. Похоже, что его кто-то отравил.

Император вызвал «на ковер» генерал-прокурора Обольянинова и графа Аракчеева. Именно они отвечали за безопасность арестованных и руководили следственными действиями. И, несмотря на строжайшие предосторожности, в чем-то допустили оплошность, вследствие чего мы потеряли одного из основных фигурантов дела. Хреново...

Любопытно было наблюдать за гневным Павлом. Он топал ногами на перепуганных сановников, размахивал рукой с зажатой в ней тростью, и казалось, вот-вот, как его легендарный прадед, пустит ее в ход. Лично на меня гнев императора не распространялся, и я, стоя в стороне, спокойно взирал на все происходящее.

Наконец, когда гнев самодержца иссяк, он вытер платком пот с лица и залпом выпил стакан лимонада. Немного остыв, Павел уже спокойным голосом спросил у меня:

– Игорь Викторович, как вы объясните все случившееся? Я понимаю, что в вашей истории ничего такого не было, но, возможно, вы нам что-нибудь посоветуете?

– Ваше величество, – ответил я, – полагаю, что наши враги еще располагают достаточным влиянием и средствами для того, чтобы помешать нам добраться до главных действующих лиц этой трагедии. Граф вряд ли покончил жизнь самоубийством – не такой он человек. Скорее всего, ему в еду подбросили отраву, от которой он и умер. Давайте подумаем, кому в первую очередь нужна была его смерть? О заговорщиках, находившихся в России и принадлежавших к высшему свету, мы знаем практически все. Правда, не все из них изобличены и

привлечены к ответственности. Но они сильно напуганы и вряд ли бы пошли на столь рискованное дело. Гораздо меньше мы знаем о масонах, которые тоже приложили руку к заговору. «Вольные каменщики» умеют обделывать свои делишки тихо, без лишнего шума. Опыт в этом у них огромный. К сожалению, мы пока не имеем доступа к секретам масонских лож.

– Я немедленно запрещаю все франкмасонские ложи в России! – воскликнул разгневанный император. – Надо как следует допросить графа Панина! Тем более что вы, Игорь Викторович, утверждаете, будто старый друг мой является одним из главных заводил сего Komplota.

– Алексей Андреевич, – обратился он к Аракчееву, – Никита Петрович сейчас находится в Москве? Немедленно направьте туда фельдъегеря, чтобы доставить его ко мне. Пусть солдаты возьмут графа под арест и не спускают с него глаз. Надо привезти его в Петербург в полной целостности и сохранности. Думаю, что от него мы узнаем много интересного...

– Гм, государь, – сказал я, вмешиваясь в разговор. – Панина следовало давно взять под стражу. Боюсь, что, получив известие о провале заговора, он сбежал из Москвы за границу. И уже оттуда пакостит нам. Как и граф Воронцов, окопавшийся в Лондоне.

– Господин подполковник, – скрипучим монотонным голосом произнес Аракчеев, покосившись на меня, – я не вправе был сам решать – брать или не брать под стражу графа Панина без указания императора, – тут «преданный без лести» повернулся к Павлу и низко ему поклонился. – Но такого распоряжения я от вас, государь, не получил. Так что моей вины в том нет.

Павел снова побагровел от гнева и громко топнул ботфортом. Но, немного успокоившись, он устало произнес:

– Господа, давайте не будем обвинять друг друга, а лучше подумаем, как выбраться из этой неприятной ситуации?

– Ваше императорское величество, – я решил, что пора заканчивать перебранку, а следует заняться делом, – как мне кажется, с приближением к Ревелю эскадры Нельсона наши недруги активизируются. Следует ожидать в Петербурге и других каверз. Об этом я хочу потом поговорить с графом Аракчеевым. О плане

действий, который будет нами составлен, мы, государь, сразу же вам доложим.

– Хорошо, – устало произнес Павел, потирая ладонью лоб. Похоже, что у него снова разболелась голова, и он не был готов к продолжению разговора. – Ступайте все. Сегодня мы с вами, Игорь Викторович, еще увидимся. Вы ведь не забыли, что вечером у меня собираются те, кто на днях отправится в Ревель, чтобы руководить там боевыми действиями?

– Я помню, ваше императорское величество, – кивнул я. – Разрешите идти?

Павел кивнул и со стоном обхватил голову руками. Все на цыпочках покинули кабинет царя.

7 (18) апреля 1801 года.

Эстляндская губерния. Ревель.

Подполковник ФСБ Баринов Николай Михайлович.

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

Устроились мы в Ревеле, можно сказать, по-королевски. Разместили меня и моих людей в губернаторском дворце, построенном на месте снесенной западной стены Ревельского замка и башни «Штюрен дер Керл». Строительство дворца началось еще в 1767 году, в годы царствования императрицы Екатерины Великой. Помещения нам любезно предоставил губернатор Эстляндии Андреас фон Лангель, являвшийся, по словам Василия Васильевича Патрикеева, известным масоном, состоявшим в ложах «Урания» и «Пеликан». В каких-либо тайных антигосударственных делах он замечен не был, но мы решили на всякий случай держаться от него подальше.

А вот вице-губернатор Герман фон Радинг оказался человеком хозяйственным и толковым. В свое время он служил на флоте и был в царствование матушки Екатерины командиром Астраханского порта. В морском деле он разбирался, и

мы с его помощью попытались вникнуть в то, что происходило в данный момент в Ревеле. А происходило тут такое, что с первого взгляда сразу было и не понять.

Прежде всего вместе с Барклаем я тщательно осмотрел береговые батареи крепости. Их начали строить еще ливонцы, а затем продолжили шведы. Максимальный же размах возведения морских укреплений пришелся на годы царствования императора Петра Великого. Но потом, когда на российском престоле одна баба сменяла другую, о крепостных сооружениях как-то подзабыли, и они, вполне естественно, быстро пришли в негодность. Новое большое строительство береговых батарей началось лишь с приходом к власти императора Павла Петровича.

Нельзя сказать, что царь пустил дело на самотек и в суматохе сиюминутных дел совершенно не занимался укреплением подступов к Санкт-Петербургу. По его плану, в течение нескольких лет в Ревеле собирались перестроить старые, уже обветшавшие укрепления и возвести новые. Они должны были иметь в общей сложности 724 орудия.

Но к настоящему моменту имелось всего лишь чуть больше половины от планируемого количества пушек и мортир. И хотя после нагоняя, полученного на днях от императора, здешнее начальство очнулось от летаргического сна и лихорадочно стало заниматься порученным им делом, ясно было одно – к визиту британской эскадры вряд ли удастся создать достойную береговую оборону, с помощью которой можно отбиться от неприятеля. Нам оставалось уповать лишь на Балтийский флот и на храбрость русских солдат и моряков.

Согласно донесению главного командира Ревельского порта, адмирала Алексея Спиридова, в состав Ревельской эскадры входило четырнадцать кораблей, три фрегата и несколько мелких боевых единиц. В Кронштадте, ожидая очищения от льда восточной части Финского залива, находилась вторая эскадра, в основном фрегаты и бомбардирские корабли. А в Роченсальме[2 - Ныне финский город и порт Котка.] базировалась гребная эскадра под командованием вице-адмирала Жана-Батиста Прево де Сансака, маркиза де Траверсе[3 - Того самого, в бытность которого морским министром России флот пришел в полный упадок, а военные корабли Балтийского флота проводили рутинные учения в восточной части Финского залива, получившей ироничное название «Маркизова лужа»]. Примечательно также, что за тридцать семь лет службы под Андреевским флагом маркиз так и не удосужился выучить русский язык. И все свои донесения

он писал по-французски.] – тридцать четыре канонерские лодки, два гребных фрегата и две плавучие батареи. Кронштадтская эскадра и эскадра маркиза де Траверсе, по замыслу нашего командования, должны были, если Ревельской эскадре не удастся сдержать британцев, защитить с моря Петербург. Только смогут ли они это сделать?

Сухопутные силы гарнизона тоже оказались весьма скромными. Но мы знали, что вскоре в Ревель придут егеря Багратиона, конная артиллерия и казаки. Из Севастополя срочно выехали моряки из состава Черноморского флота, имеющие боевой опыт, полученный во время Средиземноморского похода Ушакова. Перебрасывали их курьерскими тройками, что само по себе было беспрецедентным явлением. Это было что-то вроде пресловутых «марнских такси»[4 - «Марнские такси» – автомобили фирмы «Рено», выпускавшиеся в начале XX века и использовавшиеся в Париже как таксомоторы. Во время битвы на Марне в 1914 году с их помощью из Парижа на фронт было переброшено около 6 тысяч солдат подкрепления, благодаря чему французы сумели остановить германское наступление.]. В первую очередь в Ревель ехали артиллеристы, а также офицеры и моряки, имевшие опыт сухопутных сражений.

Только времени у нас было в обрез – закончив ремонт своих поврежденных в сражении при Копенгагене кораблей, Нельсон мог в любой момент выйти в море, достигнуть Ревеля и разгромить русскую эскадру. Причем он намеревался сделать это до того, как в восточной части Финского залива растает лед, и Кронштадтская эскадра сможет выйти в море и отправиться на помощь Ревельской эскадре.

На днях в Ревель должны были прибыть генерал Кутузов и адмирал Ушаков, которые и возглавят оборону города и порта. Ну а мы, помимо раздачи советов, займемся более привычным для нас делом – станем ликвидировать британскую шпионско-диверсионную сеть. Информация о вражеской «пятой колонне» нам поступила из надежного источника – американца, который немало помог нам еще в Санкт-Петербурге и, направленный в Ревель, сумел внедриться в здешнее вражеское подполье.

Мы проверили тайник в Старом городе и обнаружили там донесения Джулиана Керригана. Надо будет переговорить с ним лично – он все-таки в подобных делах еще полный дилетант и не всегда замечает то, что следовало бы замечать. Но тут уж ничего не поделаешь.

В тот же тайник я положил записку, в которой указал, где и когда мы с ним намереваемся встретиться. А пока есть время, я буду готовиться к рандеву с агентом.

9 (21) апреля 1801 года. Ревель.

Джулиан Керриган, засланный казачок

С самого моего прибытия в этот город я практически все время бездельничал. Да и что мне, собственно, оставалось делать?

Начальство не баловало меня своим вниманием. Поселили меня в небольшом подвальном помещении, переодели в чистую и добротную одежду и накормили простой, но сытной пищей. Вообще же здесь кормили вполне сносно, хотя дверь за мной всегда запирали на замок. Какой-то человек время от времени заходил ко мне, мазал мое дырявое плечо бальзамом, а затем заново перебинтовывал его.

А через несколько дней меня неожиданно привели на первый этаж, в комнату, в которую через закрытое ставнями окно пробивалось немного дневного света. За столом сидел человек, которого я не мог разглядеть в полутьме, но который почему-то показался мне смутно знакомым. А когда Шварц обратился к нему, и он ответил, то я сразу узнал его по голосу – это был тот самый незнакомец, которого убитый генерал Беннигсен называл «виконтом». Последняя встреча «виконта» с Длинным Кассием у решетки Летнего сада закончилась тем, что он застрелил генерала, а я получил пулю в плечо. Хорошо, что все происходило в темноте, и Виконт не мог разглядеть мое лицо.

Виконт стал задавать мне множество вопросов – кто я, откуда и как попал в Ревель. Причем он молниеносно перескакивал с одной темы на другую, часто переспрашивал то, о чем уже спросил намного раньше, но в несколько иной форме. Мне только оставалось поблагодарить Бога и русских за их тщательный инструктаж – если бы не они, то я бы давно засыпался.

Минут через двадцать он кивнул:

– Полагаю, мистер О’Нил, мой друг Шварц не соврал мне – вы действительно говорите правду. Могу вам пообещать, что в скором времени вы вернетесь на родину... точнее, в Англию, если сделаете все, что вам поручат. А теперь оставьте нас – мне необходимо поговорить с Иоганном с глазу на глаз.

Шварц отвел меня обратно в подвал и, как обычно, запер за мной дверь. Но через полчаса ключ вновь заскрежетал в замке, и служанка, велев мне взять одеяло, отвела меня в большую комнату, где стояло с десятков топчанов, половина из которых пустовали, а на других сидели какие-то люди. Двоих из них я узнал – именно к ним меня в свое время привел Шварц.

– Это твой, – сказал один из них, показывая на топчан, на котором не было ничего – даже простыни. Я бросил туда свое одеяло и сел, сказав на ломаном немецком, в который, как обычно, подпустил ирландского акцента:

– Меня зовут Джон О’Нил. А вас?

– Меня – Томас, его – Леонард. Фамилии наши тебе знать ни к чему. А те трое, – он небрежно указал рукой на хмурые и неприветливые личности, о чем-то непонятном лопотавшие в углу комнаты, – это эстляндцы, и они по-немецки почти не говорят.

– А где здесь можно выпить пива за знакомство?

– Пока Иоганн не разрешил тебе выходить из дома, увы, придется обойтись без кабаков... Но я попрошу Магду принести копченой рыбы и по кружечке здешнего пойла.

Следующие несколько дней я сидел безвылазно в доме, а выходить мне дозволялось лишь на двор, в сортир, да и то в сопровождении кого-нибудь из моих соседей. Впрочем, и они поодиночке туда не ходили. Когда я спросил, почему, Леонард мне ответил:

– Джонни, не то чтобы тебе не доверяют... Просто, пока мы не начали действовать, нам лучше не высовываться на улицу. Ведь ты засыплешься сразу – говоришь только на саксонском немецком[5 - Лютер перевел Библию на диалект Северной Тюрингии, принадлежавший к саксонской группе; именно этот язык и стал основой Hochdeutsch.]. Может, ты понимаешь местный немецкий? Или хотя

бы эстлянд-ский?

Я заверил его, что нет, не понимаю ни того, ни другого, хотя местный диалект немецкого мало чем отличался от мемельского. С этого момента Томас с Леонардом без стеснения обсуждали предстоящие акции, пребывая в полной уверенности, что я ничего не пойму из сказанного ими. Вскоре я уже знал, что они собираются взорвать пороховые склады и убить кого-то из русских военачальников... И еще – эстляндцев они намеревались послать на верную смерть – именно им предстояло взорвать склады, причем бомбы должны были рвануть сразу после их закладки. А еще они недоумевали, почему у Виконта на «этого ирландца» – так они называли меня – были какие-то свои планы.

А сегодня ко мне заглянул Шварц.

– Ну что ж, Джонни, кажется, подошло время и тебе заняться полезным делом.

– Это интересно. И что же вы хотите мне поручить?

– Были у меня на тебя другие планы – хотел я тебя отправить связным на эскадру Его Величества. Но мы немного подумали и решили, что, раз тебя русские ищут, то это не самая лучшая мысль. Ну, а за местного ты вряд ли сойдешь.

– Это еще почему?

– А потому, что по-немецки ты ни черта не понимаешь, по-эстляндски тоже, ну а по-русски, кроме ругательств, ты за все это время так ничему и не научился.

– Кое-что могу сказать по-русски, – с обидой ответил я и произнес с жутким ирландским акцентом: – Господин, как идти к Ревель?

– Вот поэтому-то тебя сразу же заберут в полицию. В общем, парень, считай, что тебе тогда сказочно повезло, и ты сумел беспрепятственно добраться до города. Нет, ты понадобишься мне здесь, в Ревеле. Завтра отнесешь вот это, – он показал увесистую сумку, – на Брайтештрассе[6 - Ныне улица Лай.], в желтый дом рядом с Олайкирхе[7 - Ныне церковь Олевисте.]. Там снизу еще кабак с вывеской в виде шестиконечной звезды[8 - К евреям сие никакого отношения не

имело, а означало лишь то, что в этом месте продавали свежее пиво.].

- А где это - Брайте штрассе?

- Завтра выйдешь из дома и медленным шагом пойдешь налево. Вскоре тебя обгонит Леонард. Следуй за ним шагах в двадцати. Когда увидишь пивную, заходи - Леонард пойдет дальше, так что ты не обращай на него внимания. Зайдешь, сядешь за столик у стены, поставишь рядом с ней сумку и закажешь у хозяина жареную форель и кружку темного. Он ответит, что форели нет, есть только копченая вимба[9 - Вимба - или по-русски - сырть. Рыба из семейства карповых.]. Скажешь - нет, дескать, вимбу я не люблю.

- А дальше-то что мне делать?

- Ничего не надо делать. Выпьешь пиво, закусишь и уйдешь оттуда. При этом оставишь сумку там, где ты ее поставил - рядом со столиком.

- Понятно... Значит, мне надо просто оставить сумку?

- Именно так. А через два часа вернешься и скажешь хозяину пивной, что, мол, сумку у них забыл. Он отдаст ее тебе, и ты принесешь мне сумку со всем тем, что будет в ней лежать.

- А два часа что я должен делать? Надо бы перекусить - от кружки пива и одной рыбешки сыт не будешь.

- У тебя деньги остались? Или ладно, вот, держи, - он сунул мне несколько монет. - Повернешь в следующий переулок направо, выйдешь на соседнюю Ланге-штрассе[10 - Ныне улица Пикк.], там есть харчевня с двумя рыбами на вывеске. Только, упаси бог, рыбу там не бери - она у них редко бывает свежая. Потом животом будешь маяться. А вот свинина там ничего, вполне съедобная. Денег тебе как раз хватит на хорошую порцию мяса и кружку темного. Или светлого. Там, кстати, будет сидеть Томас - так ты сделай вид, что его не знаешь, и ни в коем случае не подсаживайся к нему. А когда пробьет два часа, заплати и возвращайся в первую пивную. Да, и не забудь - сумку не открывай. Ни до, ни после. Уяснил? А то, если я об этом узнаю... - Шварц выразительно посмотрел на меня и погрозил пальцем.

– Уяснил, – как не уяснить. А обратно-то я как вернусь?

– Подойдешь к Олайкирхе, а когда увидишь Томаса, иди вслед за ним – точно так же, в двадцати шагах.

«Интересно получается, – подумал я. – Именно завтра и именно в час мне назначена встреча на Ланге-штрассе, только не в харчевне под вывеской двух рыбок, а там, где на вывеске изображен толстый монах. Вот только что мне делать с Томасом?»

7 (19) апреля 1801 года.

Санкт-Петербург, Михайловский замок.

Патрикеев Василий Васильевич,

журналист и историк

Да, «порадовал» меня подполковник Михайлов. Знать, действительно, «подгнило что-то в Датском королевстве». Причем серьезно подгнило. Еще не разоблаченные нами заговорщики заставили навеки замолкнуть графа Палена. Следует немедленно начать следствие по факту его смерти. И если нам удастся выйти на тех, по чьему приказу графа спровадили на тот свет, то мы тем самым предотвратим еще немало неприятных для нас ситуаций. А то ведь таким образом они могут травануть кого-нибудь из нас. Или, не приведи господь, самого государя императора.

Пока же я готовился к обсуждению вопросов, которые мы должны будем сегодня рассмотреть на совещании в Михайловском дворце. Примечательно, что все присутствующие на нем – «посвященные». То есть они знают о том, что мы из будущего, и о том, что нам известно многое из того, что должно произойти в самое ближайшее время. Конечно, точность нашего «всезнания» уже изрядно нарушена. Ведь своим вмешательством в историю мы изменили ход событий, и многое теперь пойдет совсем по-иному.

Весь «синклит» расселся в личном кабинете царя вокруг большого круглого стола. Помимо меня и подполковника Михайлова, ну и, естественно, самого хозяина кабинета, на совещании присутствовали: граф Аракчеев, генералы Кутузов и Багратион и адмирал Ушаков.

– Господа, – обратился к ним Павел, – не будем зря терять время. Василий Васильевич, расскажите нам о том, как развивались события на Балтике в вашей истории.

– После окончания ремонта своих кораблей, – начал я, – 7 мая по григорианскому календарю, или 25 апреля по календарю юлианскому, адмирал Нельсон выйдет из бухты Кёге в открытое море. Подойдя к острову Борнхольм, он вынужден будет встать на якорь, чтобы переждать плохую погоду. Не следует забывать, что корабли британской эскадры, серьезно поврежденные датскими пушками, были отремонтированы наспех, и сильное волнение на море для них могло оказаться смертельно опасным. Здесь же Нельсон разделит свою эскадру. Несколько кораблей – самых скверных ходяков – он оставит у Борнхольма. Легкие силы флота станут наблюдать за шведской эскадрой, укрывшейся в Карлскруне, а многопушечные корабли, в случае необходимости, будут готовы оказать им помощь. Сам же адмирал Нельсон с десятью 74-пушечными кораблями, двумя фрегатами, бригом и с множеством транспортов с десантом и орудиями направится к Ревелю. Если ничего не изменится в вашей истории, то его отряд окажется на месте 12 мая по григорианскому календарю.

– Значит, 12 мая... Или 30 апреля по-нашему, – задумчиво произнес Павел. – А ведь остается всего десять дней до пришествия англичан. Скажите, Василий Васильевич, как этот самый Нельсон поступит? Может быть, он все же не станет рисковать и не нападет на Ревель?

– Нападет, ваше императорское величество, непременно нападет, – ответил я. – По натуре своей британский адмирал – авантюрист. Он пренебрегает чувством опасности и поступает порой весьма безрассудно. Я уверен, что он обязательно решит атаковать нашу эскадру в Ревеле. Вот и Федор Федорович подтвердит. Он лично встречался с адмиралом Нельсоном и наблюдал его, что называется, вживую.

– Василий Васильевич прав, – кивнул Ушаков. – Британский адмирал самоуверен и горяч. Он порой забывает об осторожности и совершает весьма рискованные поступки. Я полагаю, что он пренебреженно атакует Ревель. Нельсон уверен в

себе и своих подчиненных и с презрением относится к морякам других стран.

– К тому же, – сказал подполковник Михайлов, – Нельсон рассчитывает неплохо подзаработать во время Балтийской экспедиции. Британцы намереваются вернуть свои корабли и товары, которые под арестом содержатся в Ревеле. Кроме того, как мне помнится, от Борнхольма он отправит часть своих легких сил для захвата призов – торговых кораблей стран, присоединившихся к «Вооруженному нейтралитету». Призы для британцев – желанная и вполне законная добыча.

– Да, – согласился Павел, – британцы всегда были алчными. Они не о воинской славе думают, а о пошлой выгоде.

– Ваше императорское величество, – сказал Кутузов, – я собираюсь по прибытии в Ревель осмотреть уязвимые места в обороне города и укрепить их. Там сейчас генерал Барклай-де-Толли, которого я считаю весьма толковым и рассудительным человеком. Как мне донесли, он уже успел сделать многое.

– Михаил Илларионович, – заметил я, – неприступность места не в толщине и высоте его стен, а в храбрости и отваге защитников. Все будет зависеть от подготовленности моряков на эскадре, артиллеристов на береговых батареях и меткости огня егерей генерала Багратиона. Петр Иванович, как вы считаете, ваши егеря не дрогнут?

– Нет, Василий Васильевич, – Багратион, чувствовавший себя не совсем уверенно в присутствии императора, при последних моих словах встрепенулся, и голос его обрел твердость, – мои егеря подготовлены отлично благодаря помощи присутствующего здесь господина подполковника. – Багратион кивнул в сторону Игоря Михайлова. – Могу за них поручиться – ни один из них не дрогнет и встретит противника, как принято у русских – пулей и штыком.

– Мы знаем вашу храбрость, князь, – Павел с улыбкой посмотрел на Багратиона. – Только надо сделать так, чтобы все, кто нападет на русскую крепость, навсегда остались в нашей земле. А потому следует бить врага не только с помощью храбрости, но и хитрости. О том, как мы собираемся разбить наглых британцев, расскажет нам уважаемый Василий Васильевич...

Я встал, прокашлялся и начал:

– Господа, надо сделать так, чтобы английский адмирал сам влез с головой в ловушку и уже не смог оттуда выбраться. И такая возможность у нас есть. Вот наш план – прошу его внимательно выслушать и добавить в него все необходимые с вашей точки зрения дополнения...

9 (21) апреля 1801 года. Ревель.

Чарльз Джон Кэри, 9-й виконт Фолклендский

– Вот так, значит, все и было, – стараясь не смотреть мне в глаза, промямлил Сэм.

– Другими словами, ты хочешь сказать, что этот дурак Томас упился, как свинья, и потерял О’Нила из виду?

– Увы, именно все так и случилось. Я же не знал, что он раньше был горьким пьяницей. И что это его любимый кабак. Про него трактирщик так и сказал – мол, приходит, садится и начинает пить, а потом перед закрытием приходится будить его и за шкуру выкидывать на улицу – пусть там трезвеет. Так случилось и в этот раз.

– А как вообще вам пришла в голову идея направить О’Нила и Томаса именно туда?

– Это мне Томас предложил – говорит, недорого, пиво хорошее, только рыбу лучше там не есть, а то он не раз травился ею.

– Травился твой Томас, наверное, пивом, да и то из-за того, что пьет его без меры. Ладно, что уж теперь... Где эта свинья?

– Сидит в подвале. Похоже, что он еще не проспался.

– Это правильно. Пусть сидит. А мы подумаем, что с ним дальше делать. Ну а потом что было?

– О’Нил, по его словам, побродил у Олайкирхе, но, когда часы пробили три, понял, что Томаса он уже не дождется. Сначала, по его словам, думал вернуться «К двум рыбам», но потом правильно решил, что, раз ему было сказано не узнавать Томаса, то лучше этого не делать и рассказать все нам. Ведь посмотрите, этот ирландский бродяга сумел-таки найти дорогу обратно – разве что в одном месте немного заплутал.

– А что с Людвигом?

– Он, как я ему и велел, напал на О’Нила футах в пятистах от дома и попробовал вырвать у него сумку. Но О’Нил его так отделал, несмотря на то что у него рука ранена, что любо-дорого теперь на него посмотреть... Потом его же кушаком связал, в рот запихал носовой платок и закинул в какой-то двор. А когда пришел, сразу обо всем мне доложил.

– Интересно... А ведь твой Людвиг на голову выше О’Нила. И что с ним теперь?

– Рука сломана, наверное, да и ребра тоже... Боец из него теперь никудышный.

– Вот так, значит. А кто мне говорил – мол, давайте проверим этого ирландца в деле? Теперь же мы лишились лучшего нашего человека. Да и Томас оказался ненадежен. В сумку-то твой О’Нил не заглядывал?

– Нет – иначе бы контрольки не было на месте.

– А что там у тебя в сумке было?

– Колесцовые замки. С их помощью мы взорвем бочки с порохом.

– Ага, это хорошо... А почему ты не отправил Томаса или Людвига за ними?

– Так я подумал – ведь если Томаса либо Людвига с замками остановят, то могут чего-нибудь заподозрить. А взяли бы этого О’Нила... Он вряд ли сможет показать русским наш дом, да и о планах наших он ничего не знает.

– Обратную дорогу он, тем не менее, нашел.

– Да, и Людвиг поколотил изрядно – если б мне кто сказал об этом, то ни за что бы не поверил.

– Не хочется так сразу ему доверять, да, видно, придется. Время поджигает, а других исполнителей у нас нет. Сделаем так. На мызу пойдешь ты – Леонард английского не знает и с нашими флотскими парнями объясниться не сможет. Сам Леонард пусть делает то, что и планировалось. Взрывными работами придется руководить мне. А к этой шотландской свинье отправим О’Нила. Расскажи ему подробно, что он должен сделать. Получится у него – будем с ним дальше работать. А не получится – что ж, без потерь в нашем деле не обойтись...

9 (21) апреля 1801 года. Ревель.

Майор ФСБ Никитин Андрей Кириллович.

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

Забавно все как-то получилось... Это я о randevу с нашим агентом, Джулианом Керриганом. Местом встречи, которое, как всем известно, изменить нельзя, была назначена забегаловка на Лангештрассе. А сама встреча была назначена на час дня по местному времени. На вывеске тамошнего «общепита», намалеванной в стиле наших «митьков», красовался мордастый монах в заплатанной рясе, алчно поглядывающий на огромную сковородку, на которой жарилась аппетитная колбаса.

За полчаса до назначенного времени я проследовал в заранее заказанный отдельный кабинет в сем заведении, заказал кувшин пива и еды на двоих, после чего стал дожидаться агента. Через десять минут в дверь постучали. Я подумал, что Керриган явился слишком рано, но все оказалось гораздо хуже.

В кабинет вошел один из моих ребят, капитан Мечников, или, по-нашему – Меч, и сообщил:

– Шеф, за Керриганом слежка.

– Рассказывай.

– Его пасут двое из ларца, одинаковых с лица. Лица эти, правда, словно взяты из брошюры «Чем опасно для потомства пьяное зачатие». Один ведет его спереди, другой сзади. Первого он видит, второго, вероятно, нет, хотя многие прохожие обращают внимание на второго – слишком уж он старательно изображает Лесли Нильсена из «Голого пистолета», когда тот проник в дом к злодею. Может, стоит незаметно придушить обоих?

– Не надо – тогда мы провалим Керригана. А где именно они сейчас находятся?

– Идут по улице Лай – здесь она именуется Брайтештрассе – по направлению к Олевисте. Сильвер следит за вторым.

– И правильно. А ты пока побудь на Пикк... – тьфу, на Лангештрассе – посмотри, не завернут ли они сюда. А я схожу, взгляну, что там творится. Нужно будет как-то отсечь от него обоих филеров.

Когда я пришел на Брайтештрассе, то увидел Керригана с сумкой на плече, заваливающего в какую-то пивную с могоновидом над входом. А филеров не было – ни одного, ни второго. Я немного прогулялся по улице, контролируя вход в «еврейскую» пивную, и увидел, как человек, похожий по описанию на одного из «хвостов», быстрым шагом возвращается по Брайтештрассе, даже не глядя по сторонам. Второго же филера я не обнаружил.

Минуты через три Керриган вышел из пивной без сумки и не спеша отправился дальше. Свернув в какой-то переулок, он вырулил на Лангештрассе.

«Он что, совсем спятил?! – подумал я. – Его же ведут, а этот «штирлиц» хочет притащить слезку туда, где мы договорились с ним встретиться!»

Но американец завалился в кабац, на вывеске которого красовались две худосочного вида салаки. Я зашел вслед за ним и увидел старшего лейтенанта Серебрянского, в миру – Сильвера, – стоявшего у барной стойки и лениво цедившего пиво. Тот еле заметно кивнул чуть в сторону. Присмотревшись, я увидел габаритного немца, развалившегося за столиком. Перед ним стояли тарелка со свининой и сразу три кружки с пивом. Четвертую он опустошал с завидной скоростью.

К моему удивлению, Керриган одиноко восседал за столиком в другом конце заведения. Он тоже заказал себе пиво и еду.

В карманах у меня было полно всякой всячины, в том числе и спецсредств на разные непредвиденные случаи жизни. Для того чтобы качественно «нокаутировать» нужного человека, у меня имелся и небольшой пузырек с клофелином. В нашем времени этим препаратом для гипертоников активно пользуются «дамы с пониженной социальной ответственностью». Пока одурманенный клиент находится в полной отключке, они выворачивают его карманы и уходят по-английски, не попрощавшись[11 - Англичане, как ни странно, именуют сие French leave, сиречь «уходом по-французски»]. Если добавить чуток этого зелья в кружку филера, то он вскоре погрузится в крепкий и здоровый сон, ну а мы с агентом сможем спокойно побеседовать.

Только как все сделать? Ведь надо подлить клофелин клиенту так, чтобы тот этого не заметил. Придется разыграть небольшой спектакль.

В общем, все у нас получилось, причем совсем не так, как у Лелика в «Бриллиантовой руке». Оставив кружку с пивом на столе, я бросил туда монетку, пробурчал, что сейчас вернусь, и вышел на улицу – туалетов в этом городе не было, и все выходили «отлить» прямо на улицу. Когда мимо меня продефилировал Меч, я показал ему глазами на вывеску «Двух салак» и сделал чуть заметное боксерское движение. Тот на секунду прикрыл глаза – дескать, все понял – и вошел в кабак.

Отлив и натянув штаны (ширинок здесь еще не знали), я вернулся в «Две салаки» и увидел, как Меч, проходя мимо Сильвера, сильно толкнул его, да так, что пиво из его кружки расплескалось по барной стойке. Сильвер, подскочив, попытался ударить мнимого обидчика кулаком в лицо, но тот увернулся, после чего оба весьма правдоподобно разыграли пьяную драку.

Все посетители, естественно, сбежались, чтобы с интересом понаблюдать за единоборством двух пьянчуг. Да и филер, который допивал уже вторую по счету кружку, тоже стал глазеть на них. Воспользовавшись этим, я, проходя мимо него к своему столику, незаметно плеснул в третью кружку пива клофелин.

А к моим парням уже бежал хозяин сего заведения.

– Стойте, что вы тут устроили! А ну пошли вон отсюда! У меня приличное заведение! Деритесь в другом месте!

Мои ребята опустили кулаки, и один из них заблеял:

– Да нам бы пива выпить...

– Протрезвеете – приходите. А пока – вон!

– Хорошо, хорошо, уходим. – И парни, забыв о драке, вывалились из трактира.

А тем временем филер уже «дозревал». Он стал хватать ртом воздух и вскоре, уронив голову на столешницу, заснул богатырским сном. Я встретился глазами с Керриганом и выразительно посмотрел на дверь. Неспешно поднявшись из-за стола и расплатившись с подскочившим ко мне «халдеем», я вышел на улицу и направился в кабак с толстым монахом на вывеске, где для меня уже был приготовлен кабинет. Минут через пять ко мне подсел американец.

Керриган был несказанно рад встрече.

– Сэр, если бы вы знали, как мне надоели эти ублюдки, – воскликнул он. – Будь моя воля, я бы всех их развесил на фонарях. Сколько разных мерзостей они придумали для русских! Я всегда считал англичан отъявленными подлецами, но тут они замыслили такое!

– А ты расскажи все, что знаешь, – я положил на столешницу диктофон и нажал на кнопку «запись». – Мы же примем надлежащие меры, чтобы ничего из задуманного ими не произошло.

Керриган довольно толково доложил мне о замыслах англичан. Действительно, островитяне собирались к приходу эскадры адмирала Нельсона устроить в Ревеле настоящий ад. Они планировали повторить то, что сделали в прошлом году роялисты в Париже на улице Сен-Никез, только в еще больших масштабах.

Британские диверсанты собирались использовать нечто вроде «шахид-мобилей». Взять пароконную повозку, нагрузить ее бочками с порохом и направить к одному из важных оборонных объектов в городе. Например, к пороховому

складу, гарнизонным казармам, штабу обороны. Возница такой повозки – а их предполагалось набрать среди местных эстонцев – становился подрывником-смертником. Добравшись до места, он должен был привести в действие примитивный взрыватель, воспламенявший порох. Мощный взрыв мог нанести оборонявшим Ревель русским войскам немалые потери.

Кроме того, планировался и индивидуальный террор. Специальные боевые группы в нужный момент должны были совершить нападения на военных, возглавляющих оборону города, и уничтожить их. Взрывы, разрушения создадут в городе панику, и эскадра Нельсона, воспользовавшись всем этим, легко захватит Ревель.

Что ж, задумано неплохо. И наша задача – сделать все, чтобы подобное не произошло. Надо будет переговорить с начальством и обмозговать, что именно мы можем противопоставить замыслам британцев.

– Кстати, главный у них – тот самый виконт, который застрелил Беннигсена, – добавил мой собеседник.

– Вот и хорошо. Мне давно уже хочется поговорить с ним по душам. А какие лично он тебе дал инструкции?

– В два часа подойти в ту, первую пивную и забрать там свою сумку. Затем дожждаться Томаса – так зовут человека, который заснул у «двух салак» – у Олайкирхе, и следовать за ним в место, где мы обитаем.

– А что с другим?

– Не знаю. За Леонардом я должен был следовать по пути сюда, потом он должен был уйти. Но обратную дорогу я, в случае чего, найду.

– Сделаем так. Как раз пробило два часа. Забери сумку и иди к Олайкирхе. Если за тобой пришлют кого-нибудь, то иди за ним. Если нет, то подожди до трех и попробуй найти дорогу домой.

Керриган кивнул и вышел. Минут через двадцать я направился к Олайкирхе – так немцы именовали церковь, известную в XX веке как Олевисте. Мой

американец – уже с сумкой на плече – старательно делал вид, что, ожидая кого-то, не спеша прогуливается у входа в церковь. А когда часы пробили три, он пожал плечами и решительно направился по Брайтештрассе, а потом стал сворачивать то на одну, то на другую улицу.

Я следовал в некотором отдалении, но минут, наверное, через десять на американца напал какой-то амбал, попытавшийся отобрать у него сумку. Я хотел было вмешаться, но Керриган довольно грамотно – видимо, не зря он так часто торчал в Манеже и наблюдал за тренировками наших орлов – начистил морду нападавшему, связал его и затащил в какой-то проход между домами.

А еще метров через триста он подошел к неприметному дому. Здесь он немного потоптался у входа, а затем, постучавшись, вошел в него. Мы поняли, что именно в нем и находится британская резидентура.

Вот и славно, трам-пам-пам... Надо взять под наблюдение это шпионское гнездо, отснять тех, кто «в теремочке живет», и, когда придет время, прикрыть эту лавочку...

9 (21) апреля 1801 года.

Санкт-Петербург, Михайловский замок.

Патрикеев Василий Васильевич,

журналист и историк

Сегодня я познакомился с еще одним удивительным человеком, о котором много слышал, но лично встретиться как-то не сподобился. Причем наше знакомство с ним произошло при весьма необычных обстоятельствах.

Засидевшись в своем кабинете часов до семи вечера, я решил немного прогуляться. Конечно, с моей стороны все дальнейшее было вопиющей и самонадеянной беспечностью, за которую я себя потом долго ругал.

В общем, никого не предупредив, я вышел из Кордегардии и отправился по набережной Фонтанки в сторону Невы. К тому времени уже окончательно стемнело, масляные лампы в уличных фонарях еле-еле светили, а луна то и дело пряталась за тучи. Темно было, как у негра в анусе.

Когда я находился неподалеку от церкви Симеона и Анны, кто-то вдруг грубо ухватил меня за рукав шубы. А в спину мне уперлось нечто твердое, что, по моему разумению, вполне могло оказаться стволом пистолета.

– Стой, барин, не дури, – произнес сиплый голос позади меня. – Если тебе жить охота – снимай шубу, скидавай шапку и давай сюда кошелек.

Я сразу понял, что напоролся на здешних «стопорил», которые вышли на ночной промысел в поисках добычи. У меня, правда, в кармане шубы лежала рация, а в поясной кобуре – ПМ. Но вряд ли я успел бы ими воспользоваться. Грабители вполне могли бы полоснуть меня по горлу ножом – краем глаза я заметил второго налетчика, который стоял справа от меня со здоровенным тесаком в руке. Обидно было попасть в XIX век, познакомиться с императором Павлом и стать жертвой обычных уголовников...

И тут произошло нечто для меня совершенно неожиданное. Грабитель с ножом вдруг, словно ясный сокол, взмыл в воздух, перевернулся и шлепнулся на землю. Поверженный злодей лежал неподвижно. Похоже, он был в полной отключке. Ствол, который упирался в мою спину, куда-то подевался. А позади меня послышался жалобный вой и хруст. Обернувшись, я увидел согнувшегося в три погибели мордворота, рука которого с пистолетом оказалась зажатой в кулаке человека, одетого во флотский мундир. Мой спаситель был мало похож на Шварценеггера – роста чуть выше среднего, правда, широкоплечий, с ясным и приветливым лицом.

– Рад был помочь вам, сударь, – улыбнулся мне мой спаситель. – Позвольте представиться – Дмитрий Лукин, капитан-лейтенант флота Российского. Вижу, что вы едва не стали жертвой ночных разбойников. Сударь, видимо, вы нездешний. Хочу вам дать добрый совет – с вашей стороны весьма неосторожно в такое позднее время бродить по улицам Санкт-Петербурга.

– Благодарю вас, Дмитрий Александрович, – ответил я. – Я много слышал о вас, как о храбром и благородном офицере. Для меня будет большой честью позжать

вашу руку. Только не так, как вы сделали это с этим разбойником.

Лукин кивнул и разжал пальцы. На землю со стуком упал покореженный кремневый пистолет. Разбойник, жалобно поскуливая, поднял руку. С первого взгляда мне стало понятно – без квалифицированной медицинской помощи гопстопнику грозит полная инвалидность, ибо кости его кисти надо теперь собирать по частям. Здешним же медикусам такая операция пока еще не по силам.

– Простите, но я с вами не знаком, сударь, – сказал Лукин. – Однако вы знаете мое отчество. Не могли бы вы пояснить, при каких обстоятельствах и где мы с вами встречались?

– Для начала, позвольте представиться. Меня зовут Василий Васильевич Патрикеев. Кто я и откуда, вам сейчас сказать не могу. На это требуется разрешение самого государя. А откуда я вас знаю... Да такого известного человека, как вы, в Петербурге вряд ли еще сыщешь. О вашей богатырской силе рассказывают настоящие легенды...

Капитан-лейтенант довольно улыбнулся, а потом поднял за шкуру с земли поверженного грабителя. Тот был в полном нокауте. Глаза у него закатились, а изо рта на подбородок стекали струйки крови.

– Никак мертвый? – встревоженно произнес Лукин. – А ведь закаивался бить злодеев в полную силу. Видимо, придется снова брать грех на душу!

Я нагнулся и приложил пальцы к шее грабителя. Пульс прощупывался, и это означало, что обездвиженный злодей все еще жив. О чем я и сообщил Лукину.

– Ну и слава богу, – облегченно вздохнул он. – Надо вызвать будочника, чтобы он забрал этих каналий и отвел их в участок.

– Где их сейчас найдешь, будочников этих? Небось, дрыхнут в своих будках, и их даже пушкой не разбудить. Обождите, Дмитрий Александрович, я сейчас позову своих ребят. Они доставят их туда, куда следует.

С этими словами я вынул из кармана рацию и вызвал дежурного. Кратенько объяснив ему, что, собственно, произошло и где нахожусь, я попросил выслать мне на помощь пару человек с возком, чтобы отправить в Кордегардию задержанных. С ними стоило тщательно перетолковать – сами ли они решили напасть на меня, или их кто-то надомил. Ведь вполне вероятно, что местных лихих людей навели наши недруги, пытаюсь таким способом избавиться от меня.

Во время этих переговоров Лукин смотрел на меня широко раскрытыми от удивления глазами. Он был изумлен, наблюдая за тем, как я беседую с кем-то невидимым, а мне отвечает человеческий голос. Этот храбрец даже тайком перекрестился.

– Василий Васильевич, что это? – спросил он, после того как я спрятал рацию в карман. – С кем вы сейчас разговаривали?

– Это, Дмитрий Александрович, прибор, который передает все сказанное мною людям, находящимся сейчас у Михайловского дворца. Они будут здесь с минуты на минуту.

– Так вы, господин Патрикеев, получается, из тех? – растерянно произнес Лукин.

– Из каких таких «тех»? – поинтересовался я.

– Из новых фаворитов императора. О них рассказывают столько всего, что в эти рассказы просто невозможно поверить.

– И что же такого о нас говорят? – мне стало любопытно услышать о сплетнях, которые ходят о нас, от этого русского богатыря, храбро сражавшегося со шведами у Красной Горки и Выборга, геройски погибшего в нашей истории в 1807 году во время битвы с турецким флотом у мыса Афон.

– Говорят, сударь, что вы явились из каких-то неизвестных земель, что вы можете знать будущее, и у вас есть удивительные машины, которые движутся сами, без помощи лошадей. Я не верил во все это, но теперь, когда своими ушами услышал, как вы разговариваете с людьми, находящимися далеко от вас, готов поверить в то, что о вас рассказывают.

Вдалеке раздался топот копыт и шум колес возка. К нам прискакал поручик Паскевич в сопровождении двух гусар. Из возка выбрались два «градусника», которые привычно обыскали покалеченных грабителей.

– Василий Васильевич, – сказал один из «спецов», – подполковник Михайлов очень недоволен вашим опрометчивым поступком и надеется, что сегодняшнее происшествие станет для вас хорошим уроком.

Я не стал перечить, потому что на слова Михайлова мне нечего было возразить. Вместо этого представил «градусникам» капитан-лейтенанта Лукина. Те уставились на него, словно увидели мамонта, неспешно прогуливающего по Невскому. О Лукине, точнее, о его приключениях, они много читали.

– Дмитрий Александрович, – сказал я Лукину. – Я был бы очень благодарен, если бы вы посетили мое скромное жилище в Кордегардии. Я хотел бы о многом с вами переговорить. Мне известно, что в данный момент вы ждете нового назначения. Корабль «Рафаил», командиром которого вы станете, сейчас даже не спущен на воду и будет готов к выходу в море лишь через год. Я надеюсь, что вы будете не против принять участие в одном опасном деле. Нам бы очень пригодилась ваша сила и умение биться с врагом в рукопашной.

– Да, но... – начал было Лукин, но я перебил его:

– Я обещаю вам, что вопрос о вашей новой службе я сегодня же решу с государем. И знайте – свои слова я на ветер не бросаю...

10 (22) апреля 1801 года.

Эстляндская губерния. Ревель.

Подполковник ФСБ

Баринов Николай Михайлович.

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

Сегодня я решил снова прогуляться по Ревелю и его окрестностям в сопровождении капитан-лейтенанта Крузенштерна. Следовало провести очередную рекогносцировку будущего места сражения с британцами. Крузенштерн, как человек, проживший в этом городе не один год, даст мне пояснения, а заодно расскажет о себе. Кстати, мы с Иваном Федоровичем уже успели подружиться и перейти на «ты».

- Знаешь, Николай, - с улыбкой произнес Крузенштерн, - судьба человека порой бывает настолько удивительной, что только диву даешься. Вот, например, мой дед, Эверт Филипп. Он был подданным шведской короны и, когда началась война между Швецией и Россией, служил в армии короля Карла XII. В 1701 году, в сражении у мызы Эрестфер с войсками генерала Шереметева, он, будучи подполковником, попал в плен. Вместе с другими шведскими пленными его отправили в Сибирь. Там, в небольшой деревушке неподалеку от Тобольска, дед прожил двадцать два года. Он до самой смерти с благодарностью вспоминал русских людей, которые помогали чем могли пленным и относились к ним по-человечески.

- А что с ним стало потом? - поинтересовался я.

- После заключения Ништадтского мира, согласно его статьям, пленных отпустили. Дед вернулся домой. Но принадлежавшая ему мыза в Эстляндии, как и сама Эстляндия, стала по тому же мирному договору русской. Деду пришлось восстанавливать разрушенную войной мызу. Он женился, и жена его, моя бабушка, Ева Кристина Мария фон Пайкуль, родила ему пятерых детей. Их старший сын Иоганн Фридрих и стал моим отцом.

- Да, интересная история, - вздохнул я. - А у тебя осталась родня в Швеции?

- Осталась, - Крузенштерн хитро посмотрел на меня. - Брат моего деда, Адольф Фридрих, тоже служил в армии короля Карла XII. В чине полковника он погиб в 1713 году в сражении с русскими у реки Пяль-кане. У него осталось пятеро детей, один из которых, Мориц Адольф, стал адмиралом шведского флота.

- Вот как! - удивился я. - И ты ни разу не встретился с кузеном твоего отца?

– Хвала Господу, – улыбка исчезла с лица моего собеседника. – Не забывай, что я, будучи еще юным мичманом, на корабле «Мстислав» участвовал во многих сражениях русско-шведской войны. И с адмиралом фон Крузеншерна – так на шведский манер звучит наша фамилия – я мог бы встретиться только как с врагом моего отечества. А вот с сыном его – с полковником Морицем Соломоном – я бился во время сражения у Гогланда. Но, Николай, – видимо, Крузенштерну не очень была по душе тема, которой мы коснулись, и он решил ее сменить, – давай оставим пока в покое моих предков и подумаем, где именно адмирал Нельсон может высадить своих головорезов.

– Я полагаю, что вряд ли он их высадит прямо на причалы Ревеля. Там стоит немало пушек, да и артиллерия русских кораблей перетопит шлюпки с десантом еще до того, как они успеют подойти к берегу.

– Это так, – кивнул Крузенштерн. – Со стороны островов Большой Карлос и Малый Карлос высадка маловероятна. Там тоже имеются береговые батареи, да и свои большие корабли Нельсон поведет с другой стороны. Хотя... Британский адмирал азартен и любит рисковать. Остается лишь берег справа от города и порта. Что у нас там?

Я взглянул на карту. Вот парк Екатериненталь[12 - Сейчас это парк Кадриорг.] с заброшенным дворцом императора Петра I. В парке находится возвышенность, именуемая местными жителями Лысой горой. Здесь же, неподалеку, находится мануфактура купца Христиана Фрезе. Место на горе весьма удобно для наблюдения за заливом. Но для высадки десанта оно не совсем подходит – британские корабли не смогут поддержать своих морских пехотинцев – им придется стрелять снизу вверх, что для кораблей весьма затруднительно. Да и десант вынужден будет пробиваться через парк, где за каждым деревом англичан может поджидать русский егерь со штуцером в руках.

Я изложил свои сомнения Крузенштерну, и тот со мной согласился.

– Наши наблюдатели, – сказал он, – успеют обнаружить высадку еще до ее начала. Расстояние от города до парка небольшое, и егеря быстро подойдут к месту высадки. Нет, Николай, я думаю, что британцы выберут для высадки совсем другое место.

Снова взглянув на карту, я ткнул пальцем в окрестности монастыря Святой Бригитты.

– Скажи, Иван, а могут они высадиться здесь?

Крузенштерн посмотрел и наморщил лоб.

– А что, место вполне подходящее. Берег тут пологий, шлюпки с десантом могут спокойно подойти и высадить солдат. Ни батарей, ни укреплений нет. Есть небольшая деревенька Мариенталь, в которой живут в основном эсты. Рядом развалины монастыря – с моря неплохой ориентир для высадки. Послушай, Николай, я думаю, что неплохо бы послать в эти места разведчиков, чтобы разузнать у местных обывателей, не появлялись ли здесь чужие люди. Ведь англичане наверняка тоже внимательно исследуют окрестности Ревеля. И их лазутчики рыщут вокруг города в поисках подходящего места для высадки.

– Ты прав, Иван. Только сделать все следует аккуратно, чтобы не насторожить британцев. Ведь у них должны быть свои люди среди местных жителей. Вернемся в Ревель – и я озабочу этим тех, кто у нас занимается разведкой. А пока, если ты не против, давай съездим в этот самый Мариенталь. Надо все увидеть своими глазами.

– Нет, Николай, конечно, я не против. К тому же давненько я не был там. Мне хочется еще раз взглянуть на знакомые с детства места.

10 (22) апреля 1801 года.

Эстляндская губерния. Окрестности Ревеля.

Подполковник ФСБ

Баринов Николай Михайлович.

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

К Мариенталю мы с Крузенштерном отправились на бричке, запряженной парой смиренных лошадок. На козлы уселся вестовой Ивана Федоровича – здоровенный матрос с ярко выраженным хохляцким акцентом. Звали его Миколой. Помня, что загородная поездка для нас может оказаться опасной, я прихватил с собой пистолет ПБ[13 - Бесшумный самозарядный пистолет, при создании которого был использован ударно-спусковой механизм и магазин от пистолета ПМ.], нож «Вишню» и мои любимые нунчаки.

Заодно мы переоделись в гражданскую одежду. В военной форме – тем более в моей – появляться в районе монастыря Святой Бригитты было бы весьма опрометчиво. Если в Мариентале окажутся британские агенты – а это не исключено, – то они, вполне вероятно, заметят подозрительных людей и насторожатся. Нам же это совсем ни к чему.

Конечно, для меня здешняя шмотка была непривычной, но я все же надеялся, что мне не придется дефилировать в ней перед местными красотками. Я велел двум своим ребятам в полной снаряге отправиться вслед за нами в закрытой карете и остановиться в паре километров от Мариентала, ожидая нашего сигнала. Если наша рекогносцировка пройдет без происшествий, то они, получив от меня сообщение по радиации, так же тихо и спокойно отправятся назад. Ну, а если у нас начнет припекать, то они придут на помощь и загасят британцев и их помощников.

До монастыря Святой Бригитты мы доехали без особых приключений. За версту до Мариентала выбрались из брички, и Крузенштерн велел своему вестовому ждать нас. Вдвоем с Иваном Федоровичем мы осторожно пошли через густой кустарник по узкой тропинке, ведущей к мызе. Судя по множеству следов на мокрой земле, этой тропинкой пользовались, и довольно часто. Вскоре мы вышли на опушку, откуда хорошо были видны дома Мариентала.

Достав свой двадцатикратный бинокль – вещь, вызывавшую дикую зависть у Крузенштерна, – я стал наблюдать за мызой. На первый взгляд, ничего подозрительного мною замечено не было. Время для высадки рассады на местных огородах еще не наступило, и эстонцы не спеша занимались обычной рутинной сельхозработой. Кто-то вел под уздцы по улице смиренную лошадку, лениво помахивавшую хвостом, кто-то колот дрова, кто-то набирал в бочку, установленную на телеге, воду из колодца.

Я передал бинокль Крузенштерну, чтобы тот тоже осмотрел мызу. Он долго и внимательно наблюдал за обитателями Мариенталя, после чего вернул мне бинокль, на минуту задумался, а затем произнес:

– Не знаю, Николай, вроде там нет ничего такого, что вызывало бы подозрения, но... В общем, что-то там не так.

Я не успел спросить у Крузенштерна, что именно «не так», как краем глаза заметил за своей спиной чью-то фигуру. Хриплый мужской голос произнес по-русски, но с сильным иностранным акцентом:

– Стойте спокойно и не шевелитесь, если вам дорога жизнь!

Обернувшись, я увидел пятерых крепких мужиков, которые сумели незаметно подкрасться к нам. Двое из них, если судить по одежде, были местными эстонскими крестьянами. Они держали в руках по здоровенному дырну. Двое других смахивали на моряков, застрявших на берегу. Главным же был мордovorот, который стоял чуть в стороне от всех с длинноствольным пистолетом в руке.

– Кто вы такие и что вам от нас нужно? – поинтересовался Крузенштерн. Иван Федорович сумел сохранить самообладание и, похоже, не слишком испугался появления подозрительных незнакомцев.

– А ты помалкивай и делай то, что тебе велят, – проворчал хрипатый. – Петер, и ты, Иннар, осмотрите их карманы. И начните вот с того, разговорчивого. Сдается мне, что это именно те, кого мы ищем.

«Ага, – подумал я, – выходит, что это не обычные грабители, а британские агенты, которым, как им кажется, несказанно повезло – они отловили русских, прибывших в Ревель из Петербурга, чтобы организовать отпор британскому вторжению. Что ж, проведем мастер-класс рукопашного боя для этих долбанных “джеймсов бондов”».

Я решил посмотреть, как себя поведет Крузенштерн в подобной ситуации. Зная его решительный характер и недюжинную физическую силу, мне подумалось, что Иван Федорович не позволит, чтобы какие-то там обормоты выворачивали его карманы. И я оказался прав.

Когда Петер и Иннар подошли с двух сторон к нему, Крузенштерн неожиданно схватил их за загривки и столкнул лбами. Раздался глухой стук.

«Минус два», – подумал я, выхватывая из-за пояса нунчаки.

Вжик – шмяк, и пистолет, выбитый из рук хрипатого, улетел в кусты.

Развернувшись на одной ноге, я провел классический «маваши гери». Хрипатый, получив удар ногой в подбородок, мешком повалился на присыпанную прошлогодней листвой землю. Заметив кол, который должен был обрушиться на мою голову, я успел рукой отбить его, после чего ударом сомкнутыми в «ехон нукитэ»[14 - «Рука-копье» – ладонь со сжатыми четырьмя прямыми пальцами.] пальцами в горло погрузил неразумного эста в нирвану. Или отправил в Валгаллу – во всяком случае, этого орла я отоварил от всей своей щедрой славянской души.

Обернувшись, я увидел пятого, последнего нападавшего, поверженного наземь лихим ударом Крузенштерна.

«Происходи все это на ринге, – подумал я, – то, не задумываясь, выбросил бы на канаты полотенце. Чистый нокаут. И где только Иван Федорович насобачился так махать кулаками?»

– Когда я служил в британском флоте, – подмигнув, ответил на мой вопрос Крузенштерн, поглаживая кулак правой руки, – то мне приходилось не единожды биться с британскими моряками. Уж очень они любят кулачные бои.

Вместе с ним я осмотрел поверженных противников. С двумя из них мог беседовать лишь апостол Петр. Мы с Иваном Федоровичем, похоже, чуток перестарались. Трое остальных после длительного и умелого лечения все же имели шанс вернуться к прежней жизни. Только вряд ли это произойдет – в лучшем случае им придется до скончания века заниматься заготовкой древесины в Сибири. Или чем тут промышляют арестанты...

Изъяв оружие и связав пластиковыми стяжками начавших подавать признаки жизни бандитов, я отправил Крузенштерна за бричкой. Негоже было оставлять на поле боя трупы и пленных. Первых следовало где-нибудь втихаря прикопать,

а вторых – тщательно допросить. Заодно я вызвал по рации и своих орлов.

Совместными усилиями мы упаковали грузы «200» и «300» и, еще раз проверив место происшествия на предмет изъятия всего лишнего, отправились в Ревель. Наша встреча с представителями британских спецслужб закончилась полным их разгромом, да еще и всухую.

Вечер 10 (22) апреля 1801 года.

Ревель, английская резидентура.

Джулиан Керриган, правая рука резидента

Никогда я еще не видел Виконта в такой ярости. Но, заметив меня, он попытался изобразить на лице улыбку, в результате чего его физиономия стала похожа на монстра из страшных сказок, которые в детстве рассказывала мне мама.

– Заходи, О’Нил. Садись. Мне надо с тобой серьезно поговорить.

У меня внутри все похолодело – неужели Виконт о чем-то пронюхал? Но в комнате я не обнаружил ни одного его мордоворота. Даже Шварц куда-то подевался. А англичанин продолжал:

– Хочешь виски? Нет? Ну и ладно! А я себе налью – что-то хреново все получилось!

Что именно хреново получилось, он не уточнил. Вместо этого набулькал себе полный стакан виски, выпил половину залпом, поставил стакан на стол и продолжил чуть заплетающимся языком:

– Ты, наверное, знаешь, что Томас допился до того, что ему стали мерещиться змеи?[15 - Английское идиоматическое выражение started seeing snakes, эквивалент русского «допился до чертиков».]

Я кивнул, хотя, если честно, подозревал, что громила-немец не просто так вырубился в забегаловке «У двух салак». По всей видимости, ему в этом помогли

мои хорошие знакомые.

– А тот, кого ты сильно побил по дороге обратно, тоже был моим человеком. Мы тебя просто хотели проверить. Надеюсь, ты понимаешь... Ведь нужно же было удостовериться, что тебе можно доверять.

Что-то в этом духе я и подозревал, поэтому снова понимающе кивнул головой.

– Вот только накостылял ты ему от всей души, так что он теперь нескоро сможет быть нам полезен. Нет, к тебе у меня претензий нет. Ты поступил правильно. Только вот прикинь, что у нас получилось. Из людей, на которых можно положиться, оставался один лишь Леонард. Точнее, двое – он и ты, – последние сказанные мне слова меня приятно удивили.

– А эсты? Вы разве им не доверяете?

– Эсты... Эти образины больше похожи на двуногих животных, чем на людей. Глупые, подлые, не говорят по-английски, а немецкий лишь немногие из них понимают, да и то с грехом пополам. Их можно использовать как грубую силу, не более того. Так вот. Послал я Леонарда и двоих наших в Мариен... Ну, в общем, не столь важно, куда именно. Там еще и другие наши люди были. Увы, такие же эсты, разве что двое немного по-немецки умели говорить. Так вот, всех пятерых избили и повязали двое – слышишь, всего лишь двое! – русских. Причем один из них был из тех самых странных людей – ты, наверное, о них слышал?

– Что-то слышал краем уха, но не придавал значения. Мало ли что люди рассказывают... Некоторые по пьяни такое несут... Помнится, один парень на нашем корабле про «Черную собаку» рассказал. Грим вроде ее зовут. Знаете, в Англии говорят, что она по ночам бродит и людей убивает. Впрочем, другой ему сразу заявил – да нет, у нас рассказывают, что она безвредная, только народ пугает. Третий говорит – а у нас в Дартмуре такие собаки одного напрямиком в ад утащили. Дескать, он еще при жизни душу свою нечистому продал. Ну, а четвертый ему возразил – как сейчас помню – да нет, все совсем не так! Этого пса кличут Черным Шаком, и живет он у нас в Эссексе. Если кто злой, то Шак его загрызть может. А вот женщина в лесу заблудилась, волки ее окружили, так Шак ее спас и вывел из леса. Вот только врут они – откуда в Англии волки? Вроде перебили их всех давно...

– Может, когда-то давно это все и было. Такие истории и я в детстве слышал. Только вряд ли этот Грим существует на самом деле. А вот странные люди и в самом деле есть. Именно они захомутали нашего Леонарда, и тех, кто был с ним. И нам очень хочется знать, кто они такие и что им нужно. Поэтому я и хочу поручить тебе одно важное дело.

Я послушно кивнул, а Виконт, задумчиво посмотрев в окно, продолжил:

– Скажи, как ты относишься к особам женского пола?

– Весьма положительно, – ответил я с удивлением. – Как же иначе-то?

– Разное бывает, – пожав плечами, неопределенно ответил англичанин, причем на его лице появилось странное выражение. – Впрочем, и твои соседи – бывшие соседи – Томас и Леонард – имели несколько иные предпочтения... Но меня радует, что ты не из их числа. А какие именно дамы тебе нравятся?

Я не стал ему говорить, что к женщинам отношусь с уважением, потому что так меня воспитала матушка. Но в этой комнате я был не Джулианом Керриганом, а Джоном О'Нилом. Поэтому, похабно ослабившись, я произнес:

– Я здесь сижу взаперти и даже не знаю, есть ли в этом городе соответствующие заведения. А насчет баб – желательно, чтобы... э-э-э... тыквы за пазухой у них были побольше, и тут... – я изобразил руками широкое седалище.

Мне, если честно, нравились стройные девушки, и не из «соответствующих заведений», а особенно одна... Впрочем, о ней сейчас лучше не вспоминать.

– Увы, та, с которой тебе неплохо бы познакомиться, отличается несколько меньшими размерами. Но красивая, – ухмыльнулся Виконт.

– Так в чем же дело? Скажите, а где я могу ее найти! Ну, и главное – зачем мне это все надо?

– А вот зачем... Эта дама, точнее, девица, судя по всему, из тех самых «странных людей». Красивая, но худая. Да, и еще – с ней всегда рядом огромная черная собака, размером с того самого мифического Грима. Или Шака. Вот только пес

сей из плоти и крови. И зубы у него острые.

«Мадемуазель Дарья!» – возликовал я, но сумел сохранить на лице каменное спокойствие, лишь равнодушно уточнив:

– А мне-то что с ней делать?

– Ты что, совсем болван, как Томас? Тебе надо познакомиться с ней. И попробовать ее окучить. Если получится, убрать собаку и захватить эту девку.

– Ну, это-то проще простого...

– Не скажи. Говорят, что эта мисс умеет хорошо драться, почище некоторых мужиков. Так что может у тебя ничего и не получиться – тогда лучше ничего не затевать, а всего лишь докладывать мне о ее передвижениях, как и все, что тебе станет известно о ней и ее приятелях.

– А почему она должна клюнуть на меня?

– У тебя смазливая физиономия. Такой, как ты, должен ей понравиться. И прилично себя вести ты тоже умеешь.

– А почему не вы сами? Вы, как я вижу, человек благородный.

Виконт чуть приосанился, – было видно, что ему пришлось по душе моя лесть.

– Я бы и рад, да не могу – ее друзьям не следует знать, как я выгляжу. Ну а ты уж постарайся.

– Да где я ее найду-то?

– Она каждое утро и каждый вечер гуляет со своим Шаком по Брайтештрассе.

– Но, сэр...

– И слышать ничего не хочу. Вот тебе на расходы – не хватит, еще дам.

Виконт высыпал мне в ладонь пригоршню серебряных русских монет и, махнув мне рукой, отвернулся, вновь потянувшись за бутылкой, показывая тем самым, что аудиенция окончена.

Глава 2

Шпионские страсти

11 (23) апреля 1801 года.

Санкт-Петербург, Михайловский замок.

Патрикеев Василий Васильевич,

журналист и историк

Вот те раз! Сказать честно, никогда бы не подумал, что все может обернуться именно так...

Ребята из Тайной экспедиции поднапряглись и раскрутили-таки дело об убийстве генерала Палена. Именно об убийстве – как я и предполагал, один из руководителей заговора против императора был отравлен. И яд в пищу узнику царевой темницы в Алексеевском равелине подложил один из тюремщиков. Сделал же он это по наущению агентуры, только не британской, а французской.

Нет, ни Наполеон, ни Фуше не имели никакого отношения к этому убийству. Тут поработали роялисты. Да-да, те самые, которые боролись за восстановление на престоле династии Бурбонов. Ведь еще совсем недавно в Митаве во дворце бывшего фаворита императрицы Анны Иоанновны герцога Бирона жил граф Прованский, младший брат свергнутого и казненного короля Франции Людовика XVI. Впрочем, узнав о смерти племянника – семилетнего дофина Людовика Жозефа, он поспешил провозгласить себя королем Людовиком XVIII – королем без королевства.

Как удалось выяснить агентам Тайной экспедиции, покойный Пален установил дружеские отношения с графом Прованским еще в Митаве. Ведь в свое время Пален был начальником всех остзейских губерний. Будучи королем лишь по названию, граф Прованский не обладал ни богатством, ни властью. Но роялистское подполье во Франции не сложило оружие, и, вполне вероятно, после насильственного свержения Бонапарта, липовый король имел немалые шансы стать законным французским монархом. Что, собственно, и произошло после отречения Наполеона в 1814 году.

Правда, вскоре после примирения императора Павла I с Наполеоном, граф Прованский был лишен пенсии и выслан из России. Но его агентура – в основном французские эмигранты, бежавшие от якобинского террора – осталась. Они занимали немалые посты в Российской империи.

Взять, к примеру, того же вице-адмирала маркиза де Траверсе. Этот боевой офицер французского королевского флота еще в 1792 году был своего рода связным между императрицей Екатериной II и личным представителем графа Прованского принцем Луи де Кон-де. В настоящее время маркиз командовал на Балтике гребной флотилией и должен был вместе с адмиралом Ушаковым сразиться с британским флотом. Я прикинул, что неплохо было бы послать к де Траверсе заместителя с самыми широкими письменными полномочиями, в том числе и с правом, если тот будет явно саботировать боевые действия против англичан, отстранения маркиза от командования.

Надо сказать, что в раскрытии убийства Палена в немалой степени помог и Федор Ростопчин, у которого имелись свои люди в окружении графа Прованского.

– Василий Васильевич, – сказал он мне, – поверьте – роялисты так же, как британцы, если даже не больше, ненавидят нашего государя. Ведь он собирается заключить союз с Бонапартом. А по их рассуждению, это то же самое, что заключить союз с дьяволом. Ведь если Наполеон провозгласит себя императором – а это, скорее всего, произойдет в самое ближайшее время, – то надеждам графа Прованского стать настоящим королем Франции наступит конец. Потому-то роялисты и не успокоятся, пока не погубят нашего императора. А мы должны не допустить этого.

– Полностью согласен с вами, Федор Васильевич. То, что мы не приняли в расчет этих господ – наша большая ошибка. К тому же роялисты получают деньги на

войну с Бонапартом от тех же британцев.

– Не только от британцев, Василий Васильевич, не только, – Ростопчин тяжело вздохнул. – Вы, наверное, слышали о мсье Жане Лавале. Том самом, который женился на девице Александре Козицкой, наследнице миллионов уральского промышленника Мясникова. Родители этой девицы поначалу воспротивились этому браку, но влюбленная в мсье Лавалья Александра написала всеподданнейшее прошение и опустила его в специальный ящик, поставленный у дворца государя. Император Павел Петрович пожелал лично разобраться в прошении и потребовал разъяснений от Екатерины Ивановны, матери девицы. Та причиной отказа указала на то, что Лаваль «не нашей веры, неизвестно откуда взялся и имеет небольшой чин». Резолюция императора была краткой: «Он христианин, я его знаю, для Козицкой чин весьма достаточный. Обвенчать через полчаса».

Лаваль и Александра Козицкая немедленно были обвенчаны в приходской церкви без всяких приготовлений. Александра Григорьевна принесла мужу огромное приданое, около двадцати миллионов рублей, в том числе Воскресенский медеплавильный завод на Урале. Благодаря своим связям и богатству супруги, Лаваль сумел добиться, чтобы его пожаловали в камергеры дочери государя, великой княжны Марии Павловны.

– Федор Васильевич, я слышал об этой занятной истории. Но при чем тут роялисты?

– А при том, Василий Васильевич, что мсье Лаваль, посетив в Митаве графа Прованского, безвозмездно презентовал ему триста тысяч франков.

– Да, сумма немалая. Непонятно только, откуда такая любовь небогатого французского дворянина, сына виноторговца, ставшего благодаря удачному браку миллионером, к бездомному претенденту на французский престол. Впрочем, Федор Васильевич, семейка Лавалей и в нашем будущем будет благосклонна к тем, кто покушался на власть российских императоров. Дочь мсье Лавалья и девицы Александры Козицкой Екатерина Лаваль стала женой князя Трубецкого, возглавившего в 1825 году мятеж против императора Николая Павловича. И после осуждения князя она отправилась вслед за ним в Сибирь.

– Вот, значит, как, Василий Васильевич. Что ж, приму сказанное вами к сведению. А мсье Лавалья следует удалить от двора. Вполне вероятно, что он как-то связан с теми, кто отправил к праотцам графа Палена. Впрочем, следствие еще не закончено, и, возможно, мы вскоре узнаем новые подробности этого дела...

12 (24) апреля 1801 года. Ревель.

Дарья Иванова, русская амазонка

Становится все чудесатее и чудесатее. Наши мужички решили меня припахать, сделав из скромной девушки-студентки нечто-то вроде Мата Хари местного розлива. Только крутить голым пузом перед сексуально озабоченными британскими агентами мне не придется. Надо будет всего лишь имитировать любовную связь с неким Джоном О'Нилом, в девичестве – Джулианом Керриганом, нашим тайным агентом, работающим против британцев. Да-да, именно с ним – американцем, который попал совершенно случайно в заваруху с заговором против императора Павла, схлопотав при этом пулю в плечо.

После того, как его подлечили, наши «градусники» как могли провели экстренную профподготовку будущего «штирлица», решив привлечь его к работе в качестве тайного агента. Керригана отправили в Ревель, где он удачно вписался в шпионские дела и, как я поняла, заслужил полное доверие британского резидента, которого у нас окрестили Виконтом. Так вот, этот Виконт дал задание американцу соблазнить меня, чтобы потом через влюбленную в него до ушей дамочку – то есть меня – выйти на новых фаворитов императора. Всего и делов-то!

Мне об этом задании Керригану сообщил майор Никитин. И улыбочка у него при этом была такая, донельзя препротивная, дескать, девка, смотри – не увлекись пендосиком всерьез... Ну, это мы еще посмотрим, кто по кому сохнуть будет...

Кроме всего прочего, майор посоветовал мне по вечерам продолжить ставшие для меня традиционными прогулки по улицам Ревеля с Джексоном на поводке.

– Даша, это нужно для твоей же безопасности, – сказал он. – Собачка у тебя сурьезная, случись чего – выручит...

Это да, это правильно. Только ведь и я кое-что умею. Правда, под сие задание я снова попробовала выцыганить у майора ствол, но он ни в какую не согласился дать мне даже обычный ПМ.

- Да я потом ночами спать не стану - буду страдать от бессонницы. Вдруг тебе что-нибудь взбредет в голову, и ты начнешь палить по прохожим, заподозрив, что все они переодетые агенты МИ-6?

Мне даже стало обидно от его слов.

- Андрей Кириллович, ну вы меня прямо дурой какой-то считаете! Если не доверяете - то так прямо и скажите! Ну, а если вдруг эти самые британцы захотят меня похитить? Джексон - он ведь не бронированный, - если в бедную собачку всадят несколько пуль, то она вряд ли чем мне сможет помочь.

- Это ты правильно мыслишь, Дарья Алексеевна. И потому мы будем тебя страховать - пустим вслед за тобой парочку наших парней. В случае чего - помогут отбиться.

В общем, мне так и не удалось выклянчить у майора ствол. Ну, ничего, я ему это еще припомню! Зато подполковник Баринов нашел мне подружку-компаньонку - невесту Крузенштерна. Да, у будущего адмирала и мореплавателя в Ревеле была невеста. Звали ее так, что натошак и не выговоришь - Юлия Шарлотта фон Таубе дер Иессен. Только кроме длинного имени у нее за душой, считай, что ничего и не было. Девушка была сироткой и бесприданницей. Мать ее умерла при родах, а лет пять назад Юлия лишилась и отца. Брат же собирался выдать сестру за богатого помещика.

Только девушка сия оказалась с характером. Она не была похожа на тусклых и скучных, как осенний питерский дождь, дочерей остзейских баронов. Юлия много читала, неплохо разбиралась в литературе и искусстве. В нашей истории она станет хорошей супругой Ивану Федоровичу, родит ему трех сыновей и двух дочерей.

А пока двадцатилетняя Юлия подружилась со мной, и мы с ней часто прогуливались по улицам Ревеля, беседуя о вещах, о которых разговаривают женщины во все времена. Она рассказывала мне о Ревеле, о людях, которых она

знала, и о местных достопримечательностях. Мне было интересно с ней, а ей – со мной.

Джексону же просто нравилось гулять и время от времени задираť лапу у деревьев и фонарных столбов, оставляя нерукотворные «послания» здешним барбосам.

Во время одной из таких прогулок мне и повстречался будущий кавалер. Надо сказать, что Керриган попытался изменить свою внешность – стал отращивать окладистую «шкиперскую» бородку и длинные волосы. Одет он был прилично, а по здешним меркам, даже нарядно.

Моя дружба с Юлией имела и чисто шкурный интерес. Дело в том, что она помогала мне вспомнить немецкий язык, который я изучала в школе, а потом благополучно забыла. Теперь же мы беседовали с невестой Крузенштерна на своеобразном суржике – немецком с вкраплением русских слов.

Потому я не особо удивилась, когда Керриган, пардон, О’Нил, на довольно приличном немецком произнес в мой адрес цветистый комплимент. Юлия зарделась словно маков цвет, а я произнесла нечто совершенно безалаберное и дикое с точки зрения немецкой грамматики. От смущения я чертыхнулась уже по-английски.

– Мисс знает язык Шекспира и Дефо? – с деланным удивлением произнес мой якобы новый знакомый.

– Да, то есть йес, – кивнула я. – Вы предпочитаете беседовать по-английски?

– Мисс, судя по всему, русская. Только этот язык мне незнаком, – ответил Керриган. – Так что, если вы хотите продолжить общение, то вам следует выбрать, на каком наречии вы хотели бы со мной разговаривать.

Джексон, который внимательно смотрел на американца, словно что-то вспоминая, неожиданно оглянулся назад, зарычал и грозно гавкнул. Долговязый мужчина в одежде бургера, остановившийся неподалеку от нас и внимательно прислушивавшийся к нашему разговору, пугливо шарахнулся в сторону и даже, как мне показалось, забормотал под нос молитву.

– Вообще-то, отец не разрешает мне знакомиться с незнакомыми людьми на улице, – нравоучительно произнесла я. – А родителей следует слушаться.

– Мисс, я понимаю, что поступаю неприлично и навязчиво, – взмолился Керриган, – но мне очень хотелось бы увидеть вас еще раз.

– Я прогуливаюсь здесь каждый вечер. Не подумайте только, что это приглашение на следующее свидание, – я улыбнулась американцу и строго погрозила ему пальцем.

Подхватив под руку Юлию и незаметно подмигнув Керригану, я с Джексоном направилась в сторону замка. Два «градусника», стоявшие чуть в стороне, двинулись следом за нами.

13 (25) апреля 1801 года.

Российская империя. Санкт-Петербург.

Капитан ФСБ Старых Андрей Петрович.

РССН УФСБ по Санкт-Петербургу

и Ленинградской области «Град»

– Скажи, Андрей, а почему тебя называют Копом? – поинтересовалась фельдшерица Ольга, которая, после отбытия в Ревель доктора и водилы «скорой», осталась в Питере в качестве начальника нашей импровизированной «медсанчасти».

– Тут все просто. Срочную я служил в «Голубой дивизии»[16 - ВЧ-5402, дислоцируемая на Измайловском проспекте Северной столицы, получила это прозвище за цвет мундиров военнослужащих. Она принадлежала к СМЧМ – специальным моторизированным частям милиции, и службу в ней несли солдаты и сержанты-срочники.]. Потому-то наши остряки и дали мне прозвище Коп. Как ты помнишь, так в Штатах по-простонародному называют полицейских.

– Ага, понятно, – кивнула Ольга, одеваясь на ходу и собирая свой дежурный саквояж. Минут десять назад к нам в Кордегардию пришел мужичок, который, запинаясь и всхлипывая, стал объяснять, что у него жена вздумала рожать, и что-то там у нее пошло не так.

К нашей фельдшерице, которая, как оказалось, неплохо разбиралась во всех этих деликатных женских делах, уже не первый раз приходили местные жители. Ольга успела прославиться в округе как самая умелая и знающая повивальная бабка. Хотя какая она «бабка» – молодая и симпатичная. Мне она, во всяком случае, нравится.

По приказу подполковника Михайлова, ни один из нас не имел права в одиночку выходить за пределы Кордегардии. В общем-то это он правильно приказал – мы тут уже многим успели наступить на больные мозоли, и потому кое-кому очень хотелось познакомиться с нами поближе. Ольгу в ее вояжах всегда сопровождал кто-нибудь с оружием и рацией. Сегодня моя очередь быть ее «кавалером». Что ж, я очень даже не против этого.

Идти нам было недалеко – на Кирочную улицу. Но мы подождали, пока кучер придворного ведомства запряжет для нас пароконный возок. Бог его знает, сколько нам придется проторчать в доме у роженицы. Процедура сия бывает весьма долгой. Ведь на легкие роды Ольгу обычно не зовут.

Пусть «товарищи ученые, доценты с кандидатами» и говорят, что предчувствия и тайные флюиды – это все выдумки буржуазных мистиков и мракобесов. Но вот только с самого начала мне почему-то не понравился ни мужичок – супруг роженицы, ни дом, в котором он жил. Почему – не могу сказать, но при виде этого мрачного здания, расположенного рядом с лютеранской кирхой, по спине у меня прошла дрожь – признак того, что моя «чуйка» забила тревогу.

Я поправил кобуру с «Грачом»[17 - Полуавтоматический пистолет Ярыгина.], прикрытую плащом. Может быть, я и зря запаниковал, но, как говорится, береженого и Бог бережет...

То, что нас заманили в ловушку, я понял сразу, лишь только мы перешагнули порог квартиры, где якобы исстрадалась бедняга-роженница. Вместо нее нас там ждали три мрачные личности с пистолетами и кинжалами в руках.

«Ага, – подумал я, – вечер перестает быть томным. Жаль только Ольгу – эти сволочи наверняка будут первой допрашивать ее, надеюсь на то, что женщина быстрее сломается...»

– Ну что, господа, – произнес старший этой троицы. – Вы, наверное, уже поняли, что вам надлежит вести себя смирно и не делать попыток оказать сопротивление.

– Кто вы такие и что вам надо? – спросил я, внимательно оглядывая стоящих передо мной головорезов.

То, что это именно головорезы, готовые без колебаний прикончить нас, у меня не было никаких сомнений. Кстати, по скрипу половиц я понял, что сзади меня стоит еще один человек. Плотненько они, однако, меня взяли, что называется, в коробочку.

– Мсье, а вам не все ли равно, – ухмыльнулся старший, – главное то, что вы и ваша дама в наших руках. Сейчас вы поедете с нами туда, куда мы скажем, и где с вами будут беседовать весьма уважаемые люди.

Ага, значит, нас куда-то собираются везти. Следовательно, перед транспортировкой нас обыщут. А вот это мне совершенно ни к чему. Значит...

– А может быть, мы решим все вопросы прямо здесь? – спросил я у главаря. – Зачем утруждать себя и вас дальней дорогой?

Старший хохотнул и подмигнул стоявшему рядом с ним мрачному типу с пистолетом в руке. Сзади послышалось сопение четвертого бандюка. Я его не видел, и потому он был для меня наиболее опасен. Значит, начнем с него.

– Господа, – сказал я, – у меня есть деньги. Много денег... Возьмите их, и мы расстанемся с вами мирно. А с вашими уважаемыми людьми я готов встретиться в любое время и в любом месте.

С этими словами я распахнул плащ, чтобы достать из кармана кошелек. Злодеи невольно подались вперед, а сопение сзади стало сильнее. Я извлек увесистый мешочек с монетами и бросил его на пол. Одновременно я резко откинулся

назад, изо всей силы стукнув затылком неизвестного, стоявшего у меня за спиной. Раздались всхлип, стон и стук выпавшего из рук оружия.

Я успел выхватить из кобуры ствол и несколькими выстрелами свалил троих стоявших напротив меня бандитов. Старшего я, правда, постарался не дырять серьезно, а лишь прострелил ему правое предплечье.

От неожиданности молчавшая все это время Ольга испуганно закричала. На ее крик и выстрелы в комнату влетели еще двое. Но, напорвшись на мои пули, они мешком осели в дверях.

Коротким ударом по затылку я вырубил бандита, сидевшего у стены и зажимавшего ладонями окровавленное лицо, после чего, держа на мушке главаря, обошел лежавших на полу его подчиненных. Они были мертвы.

– Ольга, успокойся и перестань реветь, – сказал я фельдшерице. Затем, подойдя к главарю, внимательно посмотрел ему в лицо. Оно было бледно – похоже, что пуля задела кость, и тот, кто совсем недавно стоял передо мной и куражился, вот-вот потеряет сознание от боли.

– В доме есть еще кто-нибудь? – спросил я его. – Отвечай, если хочешь остаться в живых!

– Нет... Нет больше никого... – простонал раненый. Потом глаза его закатились, и он сполз по стене на пол.

– Вот так, Ольга, мы и живем, – вздохнул я. – В нас стреляют, мы стреляем... Хорошо стреляет тот, кто стреляет первый.

Достав из кармана рацию, я сообщил дежурному о случившемся и попросил помощи. Потом приобнял рыдающую Ольгу и стал ее успокаивать. Она неожиданно прижалась ко мне и перестала плакать.

– Андрей, скажи, теперь у нас все время будет вот так? – Ольга указала на лежавшие на полу трупы.

– Не знаю, – я пожал плечами. – Поживем – увидим. Если, конечно, доживем...

14 (26) апреля 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Патрикеев Василий Васильевич,

журналист и историк

Первый раз я видел императора Павла Петровича в таком гневе. Он прямо-таки кипел от негодования.

– Господин Патрикеев, уж от кого-кого, а от вас я не ожидал подобного! Как вы могли позволить своим подчиненным, не приняв всех мер предосторожности, отправиться с незнакомыми людьми неизвестно куда!

Я хотел было ответить Павлу, что, во-первых, Ольга, а уж тем более капитан Старых не мои подчиненные. А во-вторых, смешно бы мы выглядели, если к роженице направили целый отряд с автоматами и пулеметами. Тем более что капитан сумел перестрелять тех, кто пытался похитить его и Ольгу, и даже взял двух «языков». С ними поработал лично подполковник Михайлов. И ему удалось выяснить кое-что весьма интересное.

– Ваше величество, – я постарался успокоить императора и потому изобразил на лице смирение и раскаяние, – прошу простить меня, вчера был совершен действительно опрометчивый поступок. Но, слава богу, все обошлось. Кроме того, капитан Старых уничтожил несколько разбойников, а от тех, кого ему удалось взять живьем, мы получили весьма интересные сведения.

– Да? – Павел немного успокоился, и его глаза перестали метать молнии. – Расскажите, Василий Васильевич, кем оказались те, кто так дерзко, прямо в центре моей столицы, пытался похитить ваших людей.

– Тот, кого удалось захватить без особого ущерба для его здоровья, оказался обычным бандитом, состоящим на службе британской разведки. Это поляк, воевавший против русских в рядах армии Костюшко. Он был зол на русских за то, что те разбили мятежников и не дали Речи Посполитой снова создать

державу «от моря до моря». Знал он немного, к тому же весьма неохотно отвечал на наши вопросы. Поэтому пришлось его «потрошить» по-серьезному.

– Как, Василий Васильевич, вы выпустили ему кишки?! – воскликнул изумленный император. – Разве можно так поступать с живыми людьми?!

Я улыбнулся. Принятые у нас словосочетания не раз вызывали удивление у людей XIX века. Объяснив Павлу, что никто и не пытался проводить пленному полостную операцию без наркоза, я успокоил царя и окончательно разрядил обстановку.

– А что вам рассказал другой злодей? – с любопытством спросил император. – Капитан Старых, как я слышал, серьезно его ранил.

– Да, государь, – кивнул я, – пуля перебила ему кость руки, и он потерял много крови. Правда, помощь ему оказали вовремя, и он будет жить. Даже рука у него останется целой. Поэтому с ним подполковник Михайлов беседовал осторожно, дабы не ухудшить его самочувствие. Однако кое-что ему удалось узнать. Этот пленник был старшим в группе, которой было поручено захватить одного, а если повезет, то и несколько человек из числа тех, кто совсем недавно появился в вашем, государь, окружении. Сам он шотландец, долгое время жил в России, понемногу шпионил и выполнял некоторые деликатные поручения, в том числе и посла Уитворта.

– Он был замешан в заговоре против меня? – быстро спросил Павел.

– Да, был, – ответил я. – Но занимался он исключительно, как у нас говорят, техническими делами – доставлял заговорщикам деньги, передавал инструкции. Когда этот Майкл Кэмпбелл окончательно поправится, мы допросим его более тщательно. Пока же он будет находиться и лечиться у нас в Кордегардии под наблюдением Ольги и приставленных к нему караульных.

– Как, кстати, чувствует себя мадемуазель Ольга? – поинтересовался Павел. – Надеюсь, что это ужасное происшествие не сказалось пагубно на ее здоровье?

– Слава богу, все обошлось. Конечно, Ольга была сильно напугана, но сейчас она чувствует себя вполне хорошо.

– Василий Васильевич, а вы уверены, что такие случаи больше не повторятся? – лицо Павла вдруг снова стало озабоченным. – Ведь британцы могут прислать других головорезов.

– Такое вполне возможно, государь. Поэтому я хотел бы предложить вам усилить охрану Михайловского замка, а ваших детей отправить на время в Гатчину, где они могут гулять в хорошо охраняемом парке. Вам же следует оставаться в столице, чтобы держать в руках управление страной.

– Я подумаю об этом, Василий Васильевич, – император подошел ко мне, показывая, что аудиенция окончена. – Вы можете быть свободны...

14 (26) апреля 1801 год.

Франция. Мальмезонский дворец.

Наполеон Бонапарт, Первый консул,

пока еще не император

Письмо, которое я получил из Петербурга, весьма обрадовало меня. Правда, за союз со мной император Павел требует от меня слишком многого: передать остров Мальта ордену иоаннитов, то есть фактически русскому монарху, сардинскому королю вернуть его материковые владения (в первую очередь Пьемонт), гарантировать неприкосновенность владений короля Обеих Сицилий (Неаполя), а также курфюрста Баварского и герцога Вюртембергского.

Правда, остров Мальта сейчас в руках англичан, и вернуть его императору Павлу я могу (формально) хоть сей момент. Пусть потом царь отвоевывает законно принадлежащие ему владения у британцев. Что же касается дел итальянских и германских, то решение их можно отложить на будущее. В конце концов для того и существуют на свете дипломаты, чтобы улаживать спорные вопросы.

Прочие же международные проблемы были уже решены, причем явно в нашу пользу. Франция подписала соглашение с Североамериканскими штатами и восстановила с ними добрососедские отношения. Успешно идут переговоры с

Испанией – мы готовы отдать им Тоскану, а испанцы соглашаются передать Франции Луизиану в Северной Америке и дать обязательство захватить Португалию, которая была традиционной союзницей проклятой Англии.

Мы хотим с Павлом уничтожить могущество островитян, чтобы нация торговцев и жуликов оставила в покое другие народы. Павел уже сделал первые шаги к этому – он арестовал всех подданных короля Георга в России и задержал в своих портах британские корабли. Ответа этих мерзавцев ему не пришлось долго ждать – против русского императора они организовали заговор, который, однако, провалился. И в этом, как оказалось, немалая заслуга таинственных незнакомцев, которые непонятно откуда появились в русской столице и сразу же оказались в милости у Павла. К сожалению, даже такой пройдоха, как Фуше, не сумел узнать про них практически ничего. Ведь нельзя же всерьез верить слухам о чудо-повозках, которые могут передвигаться без помощи лошадей, или неким приборам, используя которые новые фавориты императора переговариваются между собой, находясь на огромном расстоянии друг от друга. Я попросил наших ученых из Академии наук прокомментировать эти слухи, и все они в один голос заявили, что этого не может быть.

Правда, вполне вероятно, что я скоро лично познакомлюсь с этими странными людьми. В письме, полученном из Петербурга, говорится, что желательна встреча делегаций наших стран, дабы обсудить на ней наши дальнейшие планы. Генерал Спренгтпортен[18 - Граф Георг Магнус Спренгтпортен – шведский генерал, перешедший на русскую службу в 1786 году, был назначен императором Павлом своим личным представителем в Париж.], конечно, светский человек, он с удовольствием посещает балы, любезничает с дамами, но решать политические вопросы, как я понял, он не уполномочен. А в делегации, которую Павел собирался прислать на встречу с нашими полномочными представителями в заранее оговоренное место, наверняка окажется кто-то из этих загадочных незнакомцев.

Было бы, конечно, лучше лично мне встретиться с самим русским царем. Но, пока заговор до конца не искоренен, Павел вряд ли рискнет покинуть свою столицу. Ведь, как мне стало известно, в нем оказался замешан его сын Александр – наследник императора. И оставлять его одного в Петербурге было бы весьма опрометчиво. Поэтому мы не станем спешить.

И еще. Многие наши общие дела будут зависеть от того, удастся ли русским отбиться от эскадры Нельсона или нет. Русские, конечно, храбрые воины, но и

Нельсон, хотя и порядочный мерзавец, все же опытный флотоводец, и если ему повезет, то он сможет перебить на русской кухне немало посуды.

Честно говоря, для меня и Франции было бы весьма неплохо, если англичане одолеют русских. В конце концов, что такое захват Ревеля? Обычная диверсия, в ходе которой обе стороны понесут немалые потери. Ведь русские будут сражаться отчаянно, и британцам от них тоже изрядно достанется. Как следствие – русские станут с большей охотой стремиться к союзу с нами. А Павел получит личного врага, с которым он будет стараться расквитаться, причем не считаясь ни с чем.

Я еще раз перечитал царское письмо. Один момент меня в нем особенно заинтересовал. До недавних пор русский император настаивал, чтобы мы совершили совместный поход в Индию. Я же предлагал ударить по британцам в Египте. Там еще держались остатки наших войск, да и место для нас было уже знакомое. В своем письме к Павлу я писал: «Эта задача несложная, ее можно решить в короткое время, и это, без сомнения, принесет неисчислимые выгоды русской торговле. Если Ваше Величество все еще разделяет мнение, которое Вы часто высказывали, что часть северной торговли могла бы переместиться к югу, то Вы можете связать свое имя с великим предприятием, которое окажет огромное влияние на будущие судьбы континента».

Удар по Египту, несомненно, отзовется и в самой Турции, а русский император получит шанс взять под контроль проливы, соединяющие Средиземное и Черное моря. Царю эта идея весьма понравилась, и он согласился, что поход в Индию можно будет перенести и на более позднее время. Хотя было бы неплохо отвоевать в Индии территории, потерянные Францией во время Семилетней войны.

Я вздохнул и подошел к окну. В парке уже зеленели газоны, а в пруду растаял последний лед.

«Скоро в поход, – подумал я. – Засиделся я в Париже. Пора снова понюхать пороховую гарь, насладиться громом пушек и звоном оружия. Все великие империи создаются в войнах и походах. Да и во главе армии я чувствую себя гораздо уверенней, чем среди разряженных вельмож и жеманных красавиц...»

14 (26) апреля 1801 года.

Балтийское море. Район острова Нарген.

Борт 12-пушечного люгера «Великий князь».

Командир люгера капитан-лейтенант

Рожнов Петр

Лед на море почти уже весь растаял. Мой корабль довольно резво шел вперед, рассекая форштевнем серую балтийскую волну. Впередсмотрящий внимательно наблюдал за тем, чтобы по курсу люгера не появилась одинокая льдина. «Великий князь» был уже немолод, и корпус его мог и не выдержать столкновения с притопленной ледяной глыбой. Но все же несколько раз люгер сильно вздрагивал. От этих сотрясений в подводной части из обшивки вылетел деревянный нагель, и в трюм стала поступать вода.

Боцман и корабельный плотник сумели быстро заделать течь, а из трюма матросы откачали воду за борт. Случившееся заставило впередсмотрящих внимательнее наблюдать за морем. Новая встреча с ледяной глыбой могла закончиться для нас более сильными повреждениями.

А у меня от сотрясений от ударов льдин о корпус люгера занули ноги, пораненные осколками шведской бомбы. Столько лет прошло, а ранения, полученные на палубе 74-пушечного корабля «Святой Петр» в сражении у острова Гогланд[19 - Гогландское сражение между русским и шведским флотом произошло 17 июля 1788 года.], нет-нет да и напоминали о себе.

Мне вспомнился недавний разговор с командующим Ревельской эскадрой вице-адмиралом Михаилом Кондратьевичем Макаровым и неожиданно приехавшим из Севастополя контр-адмиралом Петром Кондратьевичем Карцевым. Я хорошо знал и того, и другого - при Гогланде они командовали кораблями: Макаров - 74-пушечным «Всеславом», а Карцев - 64-пушечным «Изяславом». Правда, Петр Кондратьевич был после окончания войны со шведами отправлен государем на Черное море, где он принял участие в славном Средиземноморском походе. И вот он опять на Балтике, где когда-то сражался с неприятелем.

При этом разговоре присутствовал еще один человек, назвавшийся подполковником Бариновым. Он был одет в странную одежду, совершенно не похожую на мундиры, который носили офицеры русской армии. Но в то же время по повадкам и по тому, как он себя вел, я сразу понял, что передо мной опытный вояка. Кроме того, он неплохо разбирался в том, что происходило в мире.

После того, как мы приветствовали друг друга, адмирал Карцев сказал, что мне следует выйти в море и провести рекогносцировку.

– Петр Михайлович, – адмирал Макаров расстелил на столе карту восточной части Балтийского моря, – вы уже знаете, что британская эскадра под командованием адмирала Нельсона с боем прорвалась сквозь датские проливы. Залатав поврежденные корабли и пополнив экипажи, он собирается двинуться дальше, дабы войти в наши воды и напасть на Ревель.

– Михаил Кондратьевич, – изумленно воскликнул я, – но ведь мы же не воюем с Британией! Во всяком случае, я не слышал, что война была объявлена...

– Британцы напали на Копенгаген, тоже не объявив войну датскому королевству, – вздохнул адмирал. – Мне довелось близко познакомиться с англичанами, и могу вам сказать, что если среди моряков королевского флота еще можно встретить порядочных людей, то британские политики – это...

Макаров досадливо взмахнул рукой и брезгливо поморщился. А Карцев и подполковник в пятнистом одеянии в знак согласия с Михаилом Кондратьевичем закивали.

– Господин капитан-лейтенант, – вступил в разговор подполковник Баринов, – ваш люгер должен провести разведку ближних морских подступов к Ревелю. Нам нужно знать, как далеко от наших рубежей находится эскадра адмирала Нельсона и каковы намерения британцев.

– Господин подполковник, – мне не понравилось, что какой-то сухопутный офицер приказывает мне, боевому моряку, прослужившему в русском флоте более четверти века, – я, конечно, могу заняться поиском британской эскадры, но как я узнаю о намерениях неприятеля? Прямо вот так подойду к флагманскому кораблю адмирала Нельсона и попрошу его рассказать мне о его планах? Не забывайте, что на моем люгере всего дюжина карронад, тогда как

корабли британской эскадры вооружены десятками дальнбойных пушек!

– Успокойтесь, Петр Михайлович, – адмирал Макаров примирительно поднял руку, – господин подполковник все это хорошо знает. И карронады на борту вашего люгера – не настолько уж они плохи. Да, они стреляют недалеко, но зато более скорострельно, чем обычные корабельные пушки, и повреждения они наносят корпусам вражеских кораблей более серьезные. А если зарядить карронаду картечью... А выбрали мы ваш люгер потому, что он английской постройки, и британские корабли, увидев на горизонте его силуэт, не сразу поднимут тревогу.

– Да, это так, Михаил Кондратьевич, – я кивнул головой, – вы абсолютно правы. И карронады опасны для противника при стрельбе с близкого расстояния, и «Великий князь» был куплен в Англии для нужд российского флота в 1789 году. Только я не понял, как именно мне узнать о намерениях британского адмирала.

– Петр Михайлович, – вступил в разговор до сей минуты молчавший и внимательно нас слушавший адмирал Карцев, – адмирал Нельсон направляется к Ре-велю с главными силами своей эскадры. А фрегаты и прочие мелкие корабли он отправил каперствовать на Балтике. В настоящее время британские капитаны очертя голову азартно охотятся за торговыми судами стран, которых они причислили к врагам Британии. То есть за всеми, у кого нет на мачте английского коммерческого флага. Вот с такими британскими пиратами – а иначе я не могу назвать разбойников, вломившихся с гнусными намерениями на Балтику – вам и следует иметь дело.

– Ага, – я наконец понял, о чем идет речь, – вы предлагаете вступить в бой с британским кораблем, который по силам будет равен «Великому князю», потопить его или взять на абордаж. А от пленных, желательно офицеров, узнать о ближайших планах адмирала Нельсона.

– Вы все правильно поняли, Петр Михайлович, – кивнул головой подполковник Баринов. – Мы рассчитываем, что вы сможете добыть столь необходимого нам «языка». Чтобы вам помочь в этом деле, на люгере вместе с вами выйдет в море один наш человек. Можете не беспокоиться – в морские дела он нос не будет совать, хотя когда-то и служил на флоте. Скажу больше, в случае крайней необходимости он сможет помочь вашим людям огнем из своего оружия.

– Господин подполковник, – я удивленно покачал головой, – да что сможет сделать в бою один человек?

– Может многое, Петр Михайлович, – с усмешкой взглянув на странного подполковника, произнес адмирал Карцев. – Уж вы поверьте мне. Главная же задача человека, которого вам пришлет Николай Михайлович, будет заключаться в том, чтобы поддерживать связь с Ревелем. И, получив сведения о планах британского адмирала, он немедленно передаст их мне. Я же буду находиться на фрегате «Феодосий Тотемский», готовом к выходу в море. И по получению от вас известий, отправлюсь на рандеву с вами...

И вот мы уже вторые сутки бороздим просторы Балтийского моря. Вскоре на правом крамболе должен появиться остров Нарген. Мы обойдем его и направимся на норд-вест, где встреча с британскими каперами более вероятна.

– Парус на норд-норд-вест, – крикнул вахтенный офицер, обозревавший море в подзорную трубу.

«Ну вот, – подумал я, поднимаясь на мостик, – похоже, что мы встретили того, кого так долго искали...»

26 апреля 1801 года.

Балтийское море. Район острова Нарген.

Борт 18-пушечного бригаа «Cruizer».

Командир бригаа коммодор Джеймс Брисбэйн

Перед выходом в море командующий эскадрой вице-адмирал Горацио Нельсон велел мне прибыть на его флагманский корабль «Элефант», чтобы лично меня проинструктировать.

– Коммодор, – сказал он, поправив своей единственной рукой орден у себя на груди, – вам придется сделать то, что вы уже сделали совсем недавно у Копенгагена. Накануне нашего прорыва через датские проливы вы были

отправлены на разведку фарватера, под самые жерла датских пушек. И вы прекрасно справились с данным вам поручением. Так что в нашей победе у Копенгагена есть немалая доля и вашего труда, Джеймс.

Сейчас же вы должны разведать подступы к Ревелю, чтобы я точно знал, как мне лучше ввести мои корабли в гавань и уничтожить стоящие там русские корабли. Я посылаю на разведку именно вас, потому что уверен в том, что вы сделаете все правильно и с честью выполните долг британского офицера. Ваш корабль крепок и неплохо вооружен. К тому же моряки на нем превосходно обучены и, если потребуются, дадут отпор русским варварам. На всякий случай я прикажу, чтобы вам дали два десятка морских пехотинцев, которые могут быть полезными во время abordажной схватки. Ведь лучший способ узнать все о подходах к вражескому порту – это захватить торговый или военный корабль с имеющимися на его борту картами и лоциями. Ну и допросить моряков, которые могут рассказать много интересного для нас...

И вот мой бриг уже вторую неделю движется по пустынному морю. Почему пустынному? Да потому, что корабли всех европейских стран, услышав о нашем появлении на Балтике, благоразумно решили не выходить в море и остались в своих портах. Ведь они прекрасно знали, что встреча с нашими кораблями может закончиться для них печально – наверняка в их трюмах обнаружат грузы, которые признают военной контрабандой. И тогда владельцы корабля и груза лишатся и того и другого.

Лишь на подходе к острову Нарген сигнальщики обнаружили небольшой кораблик, скорее даже баркас, который мог принадлежать или рыбакам, или контрабандистам. Увидев нас, команда баркаса поспешила поднять парус и направилась в сторону острова. Видимо, эти люди не желали встречи с военным кораблем. Вот теперь я точно был уверен, что нам повстречались местные контрабандисты. Эти люди обычно неплохо осведомлены о фарватерах в портах и о местах, где можно без особых опасений причалить к берегу и выгрузить свой товар.

Я приказал поставить все паруса и догнать баркас, чтобы захватить всех, кто находился на нем. Мой бриг был неплохим ходоком, и при попутном ветре мало кто смог бы уйти от него. А тут какой-то жалкий русский баркас под драным парусом и с командой, которая никогда в жизни не вылезала из своей балтийской лужи, решил посостязаться с моим красавцем?!

Однако, похоже, судьба сегодня не была благосклонна к нам. На полном ходу бриг столкнулся со льдиной, одной из тех, какие время от времени попадались нам по пути, напоминая о минувшей зиме. От сильного удара корабль рыскнул в сторону, паруса потеряли ветер, и бриг резко сбавил ход. Пока боцман и корабельный плотник осматривали трюм, чтобы выяснить, насколько значительны повреждения, полученные при столкновении, пока матросы, подобно обезьянам, взобрались по вантам на реи, чтобы разобраться с парусами, контрабандисты не теряли времени. Они сумели добраться до берега, вытащить свой баркас на отмель и, выбравшись на сушу, бегом помчались вглубь острова.

– Лейтенант, – приказал я своему старшему офицеру, – возьмите два десятка морских пехотинцев и прочешите весь этот проклятый остров. Надо поймать тех, кто сумел от нас сбежать. Они нам очень нужны. Бриг будет находиться у берега и ждать вас с пленными.

– Есть, сэр! – браво козырнул мне лейтенант Мэнсон и отправился выполнять приказ.

Боцман и матросы палубной команды спустили на воду шлюпку. Пришлось совершить два рейса, чтобы свезти на берег всех морских пехотинцев. Хвала Господу, погода была хорошая, и волны не помешали высадке наших «красномундирников».

Остров Нарген был похож на необитаемый. Он почти весь зарос густым кустарником, в котором беглецы могли надежно укрыться от погони. Но я знал, что в свой поход на Балтику адмирал Нельсон взял самых лучших морских пехотинцев, и потому не сомневался, что к заходу солнца они сумеют поймать беглецов. Всех, у кого хватит благоразумия не оказать сопротивление нашим ребятам. Ну, а кто все же окажет... Пусть тогда такие глупцы пеняют лишь на самих себя.

Мой немалый опыт – а первый раз я вышел в море, когда мне едва исполнилось тринадцать – говорил, что, занимаясь делами береговыми, не следует забывать о неприятных сюрпризах, которые могут подкрасться с совершенно другой стороны. Поэтому я приказал сигнальщикам внимательно наблюдать за морем.

Предчувствия меня не обманули – вскоре один из сигнальщиков заметил парус, который приближался к нам с зюйд-зюйд-оста. Я достал подзорную трубу и стал

внимательно рассматривать корабль, уже явственно видимый на горизонте. Внешне он был похож на люгер, коих немало приходилось мне встречать на водах, окружающих Британские острова. Но, насколько мне помнилось, у нас в эскадре не было подобных кораблей. Тогда чей же он? Из-за большого расстояния я не смог разглядеть флаг, который был поднят на мачте люгера.

Я пожалел о том, что отправил на берег своего помощника и морских пехотинцев. Если этот корабль окажется вражеским, то нам придется вступить с ним в бой. Экипаж моего брига насчитывал сто двадцать человек. Это не так уж и много, учитывая, что почти половина из них – те, кто обслуживает орудия в бою. Но ведь надо будет кому-то управляться с парусами. А если придется идти на abordаж?

Мне очень хотелось, чтобы люгер оказался британским. Но мичман Джек Мортон, славившийся своим острым зрением, взглянув в подзорную трубу, хриплым голосом доложил мне:

– Сэр, это русский военный корабль...

14 (26) апреля 1801 года.

Балтийское море. Район острова Нарген.

Борт 12-пушечного люгера «Великий князь».

Сапожников Дмитрий Викторович,

старший мичман в отставке

Начальство надо брать измором. Эту мудрость я понял еще во времена моей службы на флоте. Правда, начальство – оно разное бывает. Есть такое, что послушает-послушает твои жалостливые просьбы, да и пошлет тебя далеко-далеко. Но подполковника Барина я сумел-таки уболтать...

А все началось с того, что краем уха я услышал, как наш старший «градусник» сказал капитан-лейтенанту Крузенштерну, что, дескать, было бы неплохо

послать какой-нибудь небольшой парусный корабль на разведку западнее Ревеля. Крузенштерн немного подумал, а потом сказал, что он посоветовал бы для этой цели использовать люгер «Великий князь».

– Николай Павлович, кораблик этот довольно прочный. Ходок неплохой, да и вооружен он дюжиной карронад. Если что, то он может дать отпор даже фрегату. Командир люгера капитан-лейтенант Рожнов – моряк опытный и боевой. Он храбро сражался при Гогланде и был ранен в этой баталии.

– Ну что ж, Иван Федорович, пусть будет «Великий князь». Я сейчас иду к адмиралу Макарову, где заодно переговорю с ним о моем предложении насчет разведки. Жаль только, что нужные нам сведения мы получим не сразу. Даже если Рожнов и узнает нечто, что представит для нас интерес, то сможет все рассказать лишь по возвращению в Ревель. Может быть, дать ему человека с рацией?

Вот тут-то я и встрепенулся, словно старый конь, слышавший звук боевой трубы.

– Товарищ подполковник, Николай Павлович! – воскликнул я. – Разрешите мне сходить на люгере в море. Я, как-никак, старший мичман – по здешним меркам – офицер. Что такое море – я еще не забыл. Рацией пользоваться умею, да и помочь экипажу, если тому придется сцепиться с британцами, тоже смогу. Дайте мне только автомат или пулемет.

Сказать честно, мое предложение подполковнику Баринову не очень понравилось. Он хмуро посмотрел на меня, вздохнул и предложил товарищу старшему мичману не встречать без разрешения в разговоры старших его по званию. А потом ехидно поинтересовался, сколько мне лет.

– Товарищ подполковник, – не выдержал я. – Ведь мне хочется не просто погеройствовать, а чтобы все было в полном ажуре. Скажите, в вашей группе есть те, кто хотя бы раз выходил в море на боевом корабле?

Баринов сбавил тон и стал объяснять мне, что он не имеет права отпускать меня в рискованное путешествие на допотопном паруснике.

– А если англичан будет много, и люгер примет неравный бой?

– Русские моряки не раз оказывались в подобных ситуациях, – ответил я. – К тому же надо будет пополнить экипаж «Великого князя» опытными комендорами из эскадры адмирала Ушакова, а для усиления огневой мощи принять на борт десятка два егерей генерала Багратиона. Ползет британец на abordаж и тут же получит в лоб меткую пулю из штуцера.

Крузенштерн с любопытством слушал наш, наверное, слишком эмоциональный разговор, но тактично помалкивал.

Я потом еще раза два подъезжал к Баринову со своим предложением. Наконец, терпение у него лопнуло, и он махнул рукой, дескать, хрен с тобой, хочешь повоевать – вой! Правда, подполковник не пожадничал и выделил мне из своих запасов автомат АК 74М с подствольником ГП-25 «Костер» и коллиматорным прицелом. И боеприпасами поделился, дав набитый патронами и ВОГаами боевой ранец. Причем гранаты были самые разные – в том числе «Подкидыши»[20 - Выстрел с «подпрыгивающей» осколочной гранатой. При попадании в преграду выстрел подскакивает и взрывается в воздухе на высоте около 1,5 метра. Такой боеприпас позволяет эффективнее поражать лежащего и находящегося в траншее или окопе противника.], «Гвозди», начиненные газом Си-Эс, и «Свиристели» – светошумовые гранаты.

От таких щедрот у меня аж в зобу дыханье сперло. А Баринов, подумав, добавил до кучи один «Шмель».

– Только шандарахни из него по супостату лишь в самом крайнем случае, – сказал он. – Все-таки у нас эта «вундервафля» на строгом учете. А, самое главное, береги себя!

Я провернул все дела втайне от своего приятеля Лехи Иванова, а, самое главное, от его шептуньи Дашки. Узнав о моем предстоящем походе, они вцепились бы в меня, как клещи, и заставили взять их с собой. А так я под вечер вышел, якобы навестить Ивана Федоровича Крузенштерна, и уже через час на борту люгера «Великий князь» отчалил от пирса.

Плавание наше проходило поначалу без особых приключений. Я старался не вмешиваться в судовые дела, присматривался и прикидывал, как нам лучше себя вести, встретившись с британским кораблем. А в том, что такое непременно произойдет, я почему-то не сомневался.

На второй день похода мы подошли к северо-западной оконечности острова Нарген. Вот тут-то и произошла встреча, которую мы так ждали.

Капитан-лейтенант Рожнов обнаружил неподалеку от берега неизвестный двухмачтовый корабль. На его мачте мы увидели «Юнион Джек» – британский военно-морской флаг.

– Судя по парусному вооружению, это бриг. Подобные корабли мне довелось видеть, будучи в Англии, – произнес Рожнов, – вооружен он восемнадцатью 28-фунтовыми пушками. Команда – примерно сто двадцать человек. Интересно, что он тут делает?

– Я думаю, Петр Михайлович, что британцы что-то забыли на острове. Только непонятно, что именно – ведь на Наргене постоянного населения нет, лишь в навигацию на нем живут рыбаки, да на юго-восточной его оконечности находится полуразрушенный и разоруженный форт.

– Господин мичман, я полагаю, что нам следует напасть на британцев. Ведь нам нужны пленные, от которых мы узнаем о планах командующего неприятельской эскадрой. Мой люгер вооружен неплохо, а наши моряки горят желанием сразиться с супостатом.

– Думаете сделать то, что проделал когда-то командир коттера «Меркурий» Роман Васильевич Кроун со шведским фрегатом «Венус»?

– Именно так я и намерен поступить, – с усмешкой ответил Рожнов. – Кстати, шведы в те времена были вояками ничуть не хуже британцев, а «Венус» был вдвое сильнее «Меркурия». И все же наши заставили шведов спустить флаг.

Далее люгер начал маневрировать. Да, ходить под парусами – не то же самое, что под дизелями или турбинами. Надо суметь поймать нужный ветер парусами, сманеврировать так, чтобы оказаться в выгодном положении, когда можно вести губительный огонь по врагу, а тому это сделать будет затруднительно.

Но капитан-лейтенант Рожнов показал британцам настоящий мастер-класс. Он осторожно подкрадывался к бригу, стараясь зайти к нему с кормы. Английский командир, в свою очередь, пытался развернуть свой корабль, чтобы дать

бортовой залп по нахальному русскому люгеру. Но ветер мешал ему, а лавировать, чтобы совершить задуманный маневр, британцу было не совсем удобно – все происходило на мелководье, где очень легко можно оказаться на мели, превратившись в неподвижную мишень.

Кстати, именно так оно вскоре и произошло. Бриг – в бинокль я прочитал на его на корме название «Cruizer», то бишь «Крейсер» – не заметил длинную песчаную отмель, далеко выдававшуюся в море, и на полном ходу выскочил на нее. Все дальнейшее было, что называется, делом техники.

«Великий князь» приблизился к бригу с кормы и первым же залпом своих карронад разнес у противника корму и руль. После чего канониры начали методично продольными залпами выкашивать картечью беспорядочно суесящихся по палубе британских лаймиз. Егеря, спрятавшись за фальшбортом, вели меткий огонь по тем англичанам, кто не поддавался панике и пытался огнем из мушкетов отвечать на пушечные залпы люгера.

Британцы дрались храбро, но, когда я из «калаша» завалил одетого в нарядный кафтан офицера – видимо, командира брига, – выстрелы и проклятия, доносившиеся с палубы вражеского корабля, стали затихать. А еще чуть погодя британский флаг на мачте брига, вздрогнув, стал медленно сползать вниз. С палубы вражеского корабля кто-то замахал белой тряпкой, показывая, что экипаж готов сдаться на милость победителя.

– Ну вот и все, – произнес Рожнов, – неприятель запросил пардону. Надо снять с него пленных, а сам корабль сжечь. Уж очень сильно его повредили наши карронады, да и сдернуть с мели потребуется немало времени, а его у нас нет.

– Вы, Петр Михайлович, первым делом узнайте у тех британцев, кто цел и невредим, что бриг делал у острова? Может, у него здесь было назначено randevу с другим британским кораблем?

– Это да, Дмитрий Викторович. Обязательно спрошу. А сигнальщикам прикажу, чтобы смотрели в оба. Не ровен час, может появиться еще один англичанин...

26 апреля 1801 года.

Балтийское море. Остров Нарген.

Старший офицер 18-пушечного брига «Cruizer»

лейтенант Майкл Мэнсон

Высадившись с отрядом морских пехотинцев на берег этого дикого острова, я первым делом огляделся по сторонам. Жизнь научила меня не спешить с принятием скоропалительных решений. Сперва следовало понять, куда подевались контрабандисты.

– Сэр, давайте осмотрим их баркас, – предложил мне старший «красных мундиров» сержант Смит. – Быть может, мы найдем там нечто, что подскажет нам о роде занятий этих бродяг.

– Хорошо, сержант, – согласился я, – пойдём, посмотрим.

Баркас был стар и изрядно загажен, старый парус изношен, но дырки на нем тщательно залатаны. Несколько тщательно упакованных в грубую мешковину тюков лежало на дне баркаса. Сержант достал из ножен тесак и вспорол один из тюков. Так и есть – я увидел свертки с британскими тканями и кружевами. Значит, мы не ошиблись – нам повстречались обыкновенные контрабандисты. Только зря они от нас бежали – думаю, что те, кто ввозит в эту дикую страну британские товары, делает полезное для наших купцов и промышленников дело. Мы бы их не тронули, возможно, что лишь позаимствовали бы несколько тюков с контрабандой.

– Парни! – крикнул я морским пехотинцам. – Те, кого мы ищем, обыкновенные контрабандисты. Они нарушили российские законы, но какое нам дело до этого?! Так что вы их не особо обижайте, если, конечно, они не окажут нам сопротивление. Только, как мне кажется, увидев таких бравых молодцов, как вы, им и в голову не придет сопротивляться.

– Смит, – приказал я сержанту, – оставьте двух своих людей у баркаса. А мы займемся поиском хозяев всего этого богатства. У вас есть кто-нибудь, кто умеет по следам искать двуногую дичь.

– Сэр, – сержант усмехнулся и убрал в ножны свой тесак, – в молодости мне приходилось помогать отцу выслеживать браконьеров, которые охотились на кроликов в лесу, принадлежавшем нашему сквайру. Так что в следах, оставляемых человеческой ногой, я немного разбираюсь.

– Ну вот и отлично, – кивнул я. – Ведите нас.

Сержант пояснил мне, что, судя по следам, бежавшие от нас контрабандисты унесли из баркаса часть своего груза.

– Видите, сэр, – указал он мне на следы, – они глубокие и четкие. Это значит, что те, кто их оставил, шел не спеша, и у них на спине была немалая тяжесть. С таким грузом они вряд ли далеко уйдут. Скорее всего, сэр, они спрячутся в укромном месте и будут ждать, когда наш бриг уйдет.

– Парни, – крикнул он своим подчиненным, – будьте начеку. В любой момент мы можем наткнуться на тех, кого ищем.

Смит оказался прав. Где-то через полчаса хождений по заросшему густым колючим кустарником острову мы услышали негромкие человеческие голоса. Сержант поднял руку, и все замерли на месте, приготовив оружие к бою. Я тоже достал из-за пояса пистолет и взвел курок.

Сержант, осторожно ступая по еле заметной тропинке, пошел вперед. Остальные морские пехотинцы цепочкой двигались вслед за Смитом. Видимо, контрабандисты все же что-то слышали. Впереди неожиданно раздались крики, вопли, а потом бухнуло несколько выстрелов. У сержанта пулей сшибло на землю шляпу, а шедший справа от него стрелок схватился за руку.

Мы выстрелили в сторону противника и стали лихорадочно перезаряжать оружие. И в этот самый момент за нашей спиной загремели пушечные выстрелы. Видимо, наш бриг встретил противника и вступил с ним в бой.

Я решил, что нам надо сначала разобраться с теми, кого мы разыскивали, после чего вернуться к баркасу и посмотреть, что там происходит. Выбравшись на большую поляну, мы увидели несколько человек, лежавших на земле в лужах крови, а еще с десятков контрабандистов стояли, подняв руки вверх, и на ломаном немецком языке молили о пощаде. Разоружив их, я приказал трем

морским пехотинцам охранять пленных, а сам с сержантом и полутора десятком солдат помчался в сторону берега. К тому времени пушечная пальба уже прекратилась.

Не сговариваясь, мы переглянулись со Смитом.

– Сэр, – сказал он, нахмурившись, – это значит, что наши или победили, или потерпели поражение.

– Сейчас мы все узнаем, – раздраженно ответил я. Мне хорошо было известно, что коммодор Брисбэйн – храбрый офицер, и вряд ли он спустит флаг даже перед сильным противником. Получается, что или наш бриг победил, и захватил корабль противника, или... Об этом мне даже не хотелось думать.

Неожиданно в кустах впереди раздался треск веток. Потом мелькнуло что-то красное.

– Это кто-то из наших, – шепнул мне сержант, жестом показав остальным морским пехотинцам, чтобы они не вздумали стрелять.

– Сэр! – воскликнул один из тех солдат, кого мы оставили у брошенного на берегу баркаса. – Там такое было!

– Том, перестань жевать сопли! – гаркнул сержант. – Четко доложи – что там у вас произошло?!

– Сэр, – немного успокоившись, произнес стрелок, – на наш бриг напал русский корабль. По оснастке и вооружению он очень похож на люгеры, которые раньше строились на королевских верфях.

– И что, наши не смогли отбить атаку столь слабого противника? – недоверчиво спросил я. – Ведь на люгерах обычно стоит не более дюжины пушек.

– Русские загнали наш бриг на мель, а потом подошли к нему с кормы и расстреляли его продольными залпами. Наши сопротивлялись недолго, а потом спустили флаг.

Я выругался. Что же теперь делать? Спрятаться на острове, подобно удиравшим от нас контрабандистам, и ждать, когда русские начнут охотиться за нами, как за дикими зверями? Ждать выручки? Только кто о нас узнает, ведь русские же не сообщат адмиралу обо всем произошедшем?

Да и чем мы будем питаться на этом проклятом острове? А если русские не станут нас искать, то, вполне вероятно, приятели контрабандистов приплывут сюда, разыскивая своих пропавших товарищей, и тогда нам придется совсем плохо.

– Сэр, – шепнул мне на ухо сержант Смит, – что делать-то будем? Может быть, лучше сдаться, и вместе с нашими ребятами ждать окончания войны? Думаю, что она когда-нибудь кончится.

– Ты прав, дружище, – вздохнул я. – Мы сделали все, что могли. И не наша вина в том, что мы очутились на этом чертовом острове безо всякой надежды на спасение. Если на берегу высадятся русские, то я прикажу всем вам сложить оружие. Обстоятельства оказались сильнее нас...

15 (27) апреля 1801 года.

Санкт-Петербург. Михайловский замок.

Патрикеев Василий Васильевич,

журналист и историк

– Ну что, Василий Васильевич, наших славных моряков можно поздравить с первой викторией, – улыбаясь сообщил мне император. – Мне с утра уже доложили, что люгер «Великий князь» сжег британский бриг и пленил его команду.

– Все было именно так, ваше величество, – подтвердил я. – Подполковник Баринов по радиостанции передал мне известие о морском бое у острова Нарген. Наши моряки действовали умело и дерзко. Они атаковали 12-пушечный бриг и заставили его спустить флаг. Противник потерял убитыми три десятка человек.

Остальные сложили оружие и спустили флаг. С нашей стороны потерь нет.

– Надо будет попросить адмирала Ушакова – как я слышал, он уже добрался до Ревеля – составить список отличившихся. Я всех щедро награжу. Кстати, как я слышал, в том бою принял участие и господин Сапожников.

– Да, не выдержал Дмитрий Викторович, напросился в боевой поход. Только, государь, не стоит забывать, что он как-никак старший мичман Черноморского флота.

– Старший мичман? – император удивленно пожал плечами. – Это что еще у вас за чин такой? Думаю, что господин Сапожников заслужил куда более высокое звание. Пусть он будет лейтенантом флота Российского. Как вы считаете, Василий Васильевич, господин Сапожников будет доволен этой наградой?

– Думаю, что да, государь, – я усмехнулся, представив сияющее как новенький медный пятак лицо бывшего водолаза. – Все военные люди рады, когда их верная служба оценивается начальством надлежащим образом.

– А что вы намерены делать с пленными британцами? – спросил Павел. – Ведь формально мы не находимся с Британией в состоянии войны.

– Прежде всего, государь, надо их тщательно допросить. Подполковник Баринов умеет развязывать языки у пленным, – при этих словах император поморщился, хотел было что-то сказать мне, но потом передумал. – И когда мы узнаем все о ближайших намерениях адмирала Нельсона, мы отправим их куда подальше. Хотя...

Тут мне в голову пришла интересная мысль. А что, если оставить пленным англичан в Ревеле? Пусть они станут своего рода приманкой для британской агентуры, которая наверняка попытается связаться со своими соотечественниками. Вот тут-то мы их всех и повяжем. Правда, об этом я ничего Павлу говорить не стал – зная его рыцарское отношение к противнику, он наверняка воспротивится нашим планам.

Император, склонив голову, вопросительно посмотрел на меня, но, увидев, что я продолжаю думать о чем-то своем, «о девичьем», перевел нашу беседу на другую тему.

– Скажите, Василий Васильевич, что вы думаете о нашем возможном союзе с Бонапартом? Быть может, мы все же не станем спешить и посмотрим, как в Европе будут далее развиваться события?

– Спешить, государь, действительно не стоит, все надо тщательно обдумать и взвесить. Мы толковали об этом с графом Ростопчиным. На наш взгляд, тут самое главное – сделать все, чтобы наши союзники не сели нам на голову. Знаете, часто союз между государствами превращается в союз всадника и лошади. Так вот, при всем моем уважении к сему благородному животному, я все же не хотел бы становиться лошадью.

– Это вы хорошо сказали, – кивнул мне Павел. – Я уже имел несчастье побывать под седлом. Стыдно говорить об этом, но именно все так оно и было совсем недавно. У меня больше нет никакого желания повторять эту ошибку.

Я почувствовал, что наш разговор принял не совсем приятное для императора направление. И мне захотелось отвлечь Павла от тяжелых мыслей.

– Ваше императорское величество, тут ко мне зачастили разного рода просители. Я, конечно, понимаю, что люди пытаются таким способом разрешить какие-то свои проблемы, но зачастую просьбы и ходатайства оказываются просто неприличные. Иные сулят мне золотые горы, юные девицы откровенно предлагают мне самих себя. Порой мне хочется обругать таких просителей и дать им на прощание хорошего пинка. Но сделать это воспитание мне не позволяет. Государь, может быть, вы позволите мне завести секретаря, толкового и умного. Пусть он принимает всех просителей и решает, допускать их ко мне или нет?

Павел, внимательно слушавший меня, кивнул.

– Хорошо, Василий Васильевич. Я понимаю вас, в вашем мире такого, наверное, нет. Я подумаю над вашим предложением. Думаю, что вы согласитесь с предложенной мною кандидатурой. Не далее как завтра я вам ее сообщу...

15 (27) апреля 1801 года.

Эстляндская губерния. Ревель.

Чарльз Джон Кэри,

9-й виконт Фолклендский

– О’Нил, – я взглянул на сидевшего напротив меня ирландца. Тот мгновенно принял почтительную позу, изобразив внимание на своем плутоватом лице. Он мне нравился, хотя в нем было нечто такое, что порой меня настораживало и заставляло более тщательно к нему приглядываться. – Ты, наверное, слышал, что русские пираты совершенно наглым образом захватили английский корабль?

– Полагаю, – усмехнулся тот, – что этот корабль неспроста оказался неподалеку от Ревеля.

– Ну, допустим, – недовольно ответил я. Мне не совсем понравилась усмешка, появившаяся на лице ирландца. Нет, хотя у меня к нему претензий и не было, но ирландцы – тот еще народ. Есть у русских хорошая пословица: «Сколько волка ни корми, а он все равно в лес глядит». Ну, недолюбливают эти пэдди нас, и ничего с этим не поделаешь. – Впрочем, это не ваше дело, что он там делал и почему там оказался. Нам интересно другое – сегодня ближе к вечеру пленных моряков проведут по городу в «Розенкранц», где их будут держать под стражей.

– «Розенкранц»? А где это?

– Так именуется одна из крепостных башен у порта[21 - В 1830 году эту башню переименовали в «Толстую Маргариту», каковое название используется и по сей день. Часто название сокращают до «Толстая Марта». Тогда же башню городские власти начали использовать как тюрьму.]. Кстати, тебе нужно будет прийти туда пораньше. Весь город только об этом и судачит – для них это бесплатное зрелище. А нам хотелось бы, чтобы ты оказался к ним поближе.

– Неужели мы собираемся их освободить? Но как? Да и зачем?

– Видите ли, мой славный ирландский друг... У нас катастрофически не хватает людей. А, согласно полученной мною информации, в числе пленных – морские пехотинцы. Да и моряки на захваченном бриге тоже опытные и бывалые люди.

Так что они были бы нам весьма кстати.

– А они справятся с... заданиями?

– Для той работы, где потребны мозги – нет, конечно. А вот если им сказать, убей или захвати того-то или то-то, то они прекрасно со всем справятся.

Простолюдинам нужен человек, который им скажет, что следует делать. Может, не всем, – я бросил взгляд на О’Нила. Ирландец показал себя весьма способным учеником. И я считал, что со временем из него может получиться хороший разведчик. – Но такие, как ты – это то самое исключение, которое подтверждает правило.

– Спасибо, сэр, за добрые слова обо мне, но спешу вас уверить – и среди людей моего сословия у многих найдутся способности, превосходящие мои.

– Ну ты хватил, у многих, – мне вдруг стало смешно. – У некоторых – да, согласен, но у нас не будет времени проверять их всех на сообразительность. Тем более что... акция произойдет очень-очень скоро. И для этого нам нужно прикинуть, каким именно способом мы сможем освободить хотя бы полдюжину этих ребят. Хотя я не отказался бы от того, чтобы все они оказались на свободе. Охранять их, вероятнее всего, будут местные – а они очень любят звонкую монету. Но только, если они не подпадут под подозрение – они ужасно боятся сурового наказания. Их приучили к этому немецкие хозяева за долгие столетия...

– А есть ли какие-нибудь тайные ходы из «Розенкранца»?

– Как мне рассказал один из любителей дармовой выпивки из числа местных, башня изначально строилась как пушечная, и в ней – несколько помещений для пушек и бочек с порохом. Ходы в нее не так давно были заложены кирпичом, но, по словам этого выпивохи, делали это туземцы, и делали это, как обычно все они делают, то есть спустя рукава. Особенно плохо заделан один из ходов. Вот через него-то наши храбрецы и убегут. Тебе предстоит спрятать неподалеку от башни лестницу и приставить ее к нужному окну – я скажу тебе потом, куда именно. А доставить лестницу лучше всего уже завтра ночью. Там есть кусты, где ее можно надежно спрятать.

– А у вас есть одежда мастерового?

– Найдется, – улыбнулся я. Нет, просто удивительно, но этот ирландец все схватывает на лету.

– Тогда лучше я это сделаю вечером, в сумерках. Если меня остановят, то я скажу, что несу ее назад на верфь, откуда я ее на время позаимствовал, чтобы починить крышу дома.

– О’Нил, ты мне начинаешь все больше нравиться... И еще. Не хочешь ли ты встретиться сегодня со своей русской пассией? Может, она проболтается о планах «странных людей» в отношении наших ребят – я слышал, что без них тут явно не обошлось. Ты только смотри, держи язык за зубами. А то я знаю вас, ирландцев, и выпить любите, и языками потом почесать.

– В этом, сэр, вы можете на меня полностью положиться.

– И не только в этом, насколько я тебя успел узнать, – кивнул я. – Ступай, поищи заранее место, чтобы тебе было все хорошо видно, а заодно послушай, кто и о чем будет говорить. Мне очень хочется узнать, что скажут об увиденным местные жители.

– Да как же я их пойму-то? Я ни русского, ни чухонского не знаю.

– Ну, там многие по-немецки говорят. А этот язык ты вроде знаешь...

15 (27) апреля 1801 года.

Эстляндская губерния. Ревель.

Джулиан Керриган,

несостоявшийся любовник

– Вы что себе позволяете? – возмущенно воскликнула мисс Даша и вlepила мне смачную оплеуху. Да, тяжелая у нее рука... Остается лишь пожалеть ее будущего мужа.

А тут еще и Джексон на меня зарычал, хотя хозяйка незаметно подала ему сигнал, мол, успокойся, никто на твою хозяйку не покушается.

Я вполне естественно схватился за физиономию и простонал:

– Простите меня, пожалуйста... Я думал, что вам очень хочется, чтобы я вас обнял.

– Еще чего! – Девушка возмущенно фыркнула и продефилировала мимо меня, ведя пса на поводке. Кэри, стоявший неподалеку, футах в двадцати, посмотрел на меня и с осуждением покачал головой – мол, что за олух такой, взял и все испортил...

А началось все так. Мы с мисс Дашей встретились у Олайкирхе, и я ей вкратце рассказал о моем разговоре с Виконтом. Она на мгновение задумалась, затем наклонилась ко мне и с игривой улыбкой прошептала:

– Тогда я сегодня уйду чуть раньше. Вот только тебе следует учесть такой момент. Ты ведешь себя, как истукан – если б я не знала про Ольгу, я наверняка подумала, что выгляжу страшной уродиной.

– Да как вы можете такое говорить... И откуда вам известно про Ольгу?

– А кроме нас, девушек из... нашего времени тут нет. Могу тебя, кстати, обнадежить – ты ей тоже понравился.

Я зарделся от смущения, а она звонко рассмеялась.

– Вот только твой виконт не знает про Ольгу, а ожидает от тебя активных действий в отношении меня. Сходим, посмотрим на пленных англов. Может, ты увидишь что-нибудь интересное. А потом наклонись ко мне и попытайся обнять – я тебе дам пощечину и удалюсь, преисполненная гневом и возмущением.

– Да как я могу...

– Ничего, я буду не в обиде, а если Ольга когда-нибудь об этом услышит, то я ей объясню, что так было нужно для дела. Но вот ударю я тебя по-настоящему,

иначе твой виконт может что-нибудь заподозрить.

– Ну, после затрецин, которые отвешивал мне боцман с «Бланш», ваши оплеухи будут для меня легкой щекоткой...

После прогулки мы пошли в порт, чтобы, как приказал мне Виконт, поглазеть на пленных англичан. И тут я увидел его – сержанта Уилбера Смита, который служил со мной на «Бланш». Этот сержант был редкой сволочью – он часто ни за что ни про что лупил матросов тростью, которую всегда таскал с собой. А начальство не только не запрещало ему это делать, но еще и поощряло – дескать, пусть быдло матросское знает свое место. Кстати, Смит был на вахте, когда я покинул «Бланш», чтобы больше не возвращаться на фрегат.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Так называли морских пехотинцев Британского королевского флота за их красные мундиры.

2

Ныне финский город и порт Котка.

3

Того самого, в бытность которого морским министром России флот пришел в полный упадок, а военные корабли Балтийского флота проводили рутинные учения в восточной части Финского залива, получившей ироничное название «Маркизова лужа». Примечательно также, что за тридцать семь лет службы под Андреевским флагом маркиз так и не удосужился выучить русский язык. И все свои донесения он писал по-французски.

4

«Марнские такси» – автомобили фирмы «Рено», выпускавшиеся в начале XX века и использовавшиеся в Париже как таксомоторы. Во время битвы на Марне в 1914 году с их помощью из Парижа на фронт было переброшено около 6 тысяч солдат подкрепления, благодаря чему французы сумели остановить германское наступление.

5

Лютер перевел Библию на диалект Северной Тюрингии, принадлежавший к саксонской группе; именно этот язык и стал основой Hochdeutsch.

6

Ныне улица Лай.

7

Ныне церковь Олевисте.

8

К евреям сие никакого отношения не имело, а означало лишь то, что в этом месте продавали свежее пиво.

9

Вимба – или по-русски – сырть. Рыба из семейства карповых.

10

Ныне улица Пикк.

11

Англичане, как ни странно, именуют сие French leave, сиречь «уходом по-французски».

12

Сейчас это парк Кадриорг.

13

Бесшумный самозарядный пистолет, при создании которого был использован ударно-спусковой механизм и магазин от пистолета ПМ.

14

«Рука-копье» – ладонь со сжатыми четырьмя прямыми пальцами.

15

Английское идиоматическое выражение *started seeing snakes*, эквивалент русского «допился до чертиков».

16

ВЧ-5402, дислоцируемая на Измайловском проспекте Северной столицы, получила это прозвище за цвет мундиров военнослужащих. Она принадлежала к СМЧМ – специальным моторизированным частям милиции, и службу в ней несли солдаты и сержанты-срочники.

17

Полуавтоматический пистолет Ярыгина.

18

Граф Георг Магнус Спренгтпортен – шведский генерал, перешедший на русскую службу в 1786 году, был назначен императором Павлом своим личным представителем в Париж.

19

Гогландское сражение между русским и шведским флотом произошло 17 июля 1788 года.

20

Выстрел с «подпрыгивающей» осколочной гранатой. При попадании в преграду выстрел подскакивает и взрывается в воздухе на высоте около 1,5 метра. Такой боеприпас позволяет эффективнее поражать лежащего и находящегося в траншее или окопе противника.

21

В 1830 году эту башню переименовали в «Толстую Маргариту», каковое название используется и по сей день. Часто название сокращают до «Толстая Марта». Тогда же башню городские власти начали использовать как тюрьму.

Купить: https://tellnovel.com/ru/harnikov_aleksandr/severnyy-sfinks

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)